

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ДЕЛО КУРТ ПРОТИВ ТУРЦИИ

(15/1997/799/1002)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

25 мая 1998 г.

Настоящее решение подлежит редакционному редактированию перед его окончательным воспроизведением в Reports of Judgements and Decisions 1998. Эти отчеты можно получить у издателя Carl Heymanns Verlag KG (Luxemburger Straße 449, D-50939 Köln), который также организует их распространение совместно с агентами для определенных стран, перечисленных на обороте.

Список агентов

Бельгия: Etablissements Emile Bruylant (rue de la Régence 67,
В-1000 Брюссель)

Люксембург: Librairie Promoculture (ул. Дюшер, 14).
(Парижская площадь), ВР 1142, L-1011 Luxembourg-Gare)

Нидерланды: BV Juridische Boekhandel & Antiquariaat
А. Jongbloed & Zoon (Noordeinde 39, NL-2514 GC's-Gravenhage)

Решение, вынесенное камерой

Турция – неспособность властей объяснить местонахождение или судьбу сына заявительницы, которого в последний раз видели в окружении сотрудников сил безопасности

Я. ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

А. Недействительность заявки

Заявительница свидетельствовала перед делегатами – подтвердила свое желание участвовать в разбирательстве в Суде и присутствовала на слушаниях по ее делу – нельзя утверждать в обстоятельствах, что заявительница не добивалась возмещения ущерба в связи с жалобой на действия властей.

Вывод: возражение отклонено (единогласно).

Б. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Правительству было запрещено по процедурным причинам выдвигать возражение – в любом случае возражение было бы отклонено по существу, учитывая, что заявительница сделала все, что от нее можно было ожидать, чтобы исчерпать внутренние средства правовой защиты.

Вывод: возражение отклонено (единогласно).

II. СТАТЬИ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ СЫНА ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

А. Установление фактов

Комиссия тщательно изучила несоответствия в показаниях заявительницы, а также альтернативные объяснения правительства по поводу исчезновения ее сына – заявительница подробно допрашивалась делегатами Комиссии и адвокатами правительства на слушаниях – заявительница сочла заслуживающим доверия и последовательным по центральному вопросу, а именно, она видела своего сына в окружении солдаты и сельские охранники в селе – никаких исключительных обстоятельств, которые заставили бы Суд отклониться от вывода Комиссии о том, что сын заявительницы задержан в селе при предполагаемых обстоятельствах и с тех пор его никто не видел.

Б. Статья 2

Никаких конкретных доказательств, вне всяких разумных сомнений, того, что сын заявительницы был убит властями, представлено не было – ни обстоятельств задержания сына, ни материалов, на которые ссылался заявитель в поддержку утверждений о практике, среди прочего, исчезновений и

1. Это резюме реестра не является обязательным для Суда.

внесудебная казнь задержанных подтверждает заявление о незаконном убийстве – с точки зрения Суда, утверждение заявителя о том, что власти не смогли защитить жизнь сына, подлежит оценке в соответствии со статьей 5.

Вывод: нет необходимости принимать решение по жалобе (единогласно).

С. Статья 3 в отношении сына заявительницы

Как и в случае с жалобой по статье 2, не было представлено никаких доказательств, подтверждающих утверждение о жестоком обращении с сыном заявительницы, находящимся под стражей – жалоба подлежит рассмотрению с точки зрения статьи 5.

Вывод: нет необходимости принимать решение по жалобе (единогласно).

Д. Статья 5

Повторение прецедентного права Суда о принципиальной важности гарантий статьи 5 для защиты физической свободы и личной безопасности людей.

Непризнанное задержание человека следует рассматривать как отказ от этих гарантий – принятие властями контроля над человеком требует, чтобы они отчитывались о его местонахождении – статья 5 требует, чтобы власти принимали эффективные меры для защиты от риска исчезновения и проводили оперативное эффективное расследование спорное утверждение о том, что человека никто не видел с момента взятия под стражу.

В настоящем деле не велось никаких записей о задержании сына в деревне – более того, власти не провели какого-либо значимого расследования утверждений заявителя – заявитель никогда не допрашивался – в данных обстоятельствах следует считать, что власти не выполнили свои обязанности по установлению местонахождения заявителя сын – можно сделать вывод, что сын содержался под стражей в тайне без защиты гарантий, гарантированных статьей 5 – по мнению Суда, это представляет собой особенно серьезное нарушение этой статьи.

Вывод: нарушение (шесть голосов против трех).

III. СТАТЬЯ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ САМОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

Власти не уделили серьезного внимания жалобе заявительницы – заявительница стала жертвой самоуспокоенности властей перед лицом ее мучений и страданий – страданий, перенесенных в течение длительного периода времени, и при определенных обстоятельствах должны рассматриваться как жестокое обращение в рамках статьи 3.

Вывод: нарушение (шесть голосов против трех).

IV. СТАТЬЯ 13 ТЗСОГЛАШЕНИЕ

Повторение прецедентной практики Суда о характере эффективного средства правовой защиты в случаях предполагаемых серьезных нарушений прав, предусмотренных Конвенцией.

В настоящем деле власти столкнулись с спорным утверждением о том, что сын заявительницы задержан силами безопасности в деревне – власти были обязаны в силу обстоятельств провести в интересах родственников тщательное и эффективное расследование исчезновения – такое расследование не проводилось по причинам, указанным для установления факта нарушения статьи 5.

Вывод: нарушение (семь голосов против двух).

В. СТАТЬИ 2, 3 И 5 В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

Жалобы не обоснованы.

Вывод: нарушений нет (единогласно).

ВИ. СТАТЬЯ 18 КОНВЕНЦИИ

Жалоба не обоснована.

Вывод: нарушений нет (единогласно).

VII. СТАТЬЯ 25 § 1 КОНВЕНЦИИ

Подтверждение прецедентной практики Суда об обязательстве Договаривающегося государства обеспечить, чтобы заявители могли свободно общаться с Комиссией, не подвергаясь давлению в какой-либо форме с целью отозвать или изменить свои жалобы – выражение «любая форма давления» охватывает не только прямое принуждение и запугивание, но также неправомерные косвенные действия, направленные на то, чтобы отговорить или воспрепятствовать заявителям или потенциальным заявителям, их семьям или законным представителям в использовании средства правовой защиты, предусмотренного Конвенцией, – в настоящем деле Суд признал фактами, что заявительница подвергалась косвенному и неправомерному давлению с целью сделать заявления в ее отношении заявление в Комиссию – кроме того, угроза возбуждения уголовного дела против адвоката заявителя, даже если не будут приняты меры, считается вмешательством в осуществление права на индивидуальную жалобу – обвинения против государства-ответчика, даже если они оказались ложными, должны быть проверены в соответствии с процедурами Конвенции, а не угрозой применения уголовных мер в отношении адвоката заявителя.

Вывод: нарушение (шесть голосов против трех).

VII. СТАТЬЯ 50 КОНВЕНЦИИ

А. Моральный вред

Отдельные суммы, присужденные сыну заявительницы и самой заявительнице – первая сумма, которую заявительница должна удержать за своего сына и его наследников.

Вывод: государство-ответчик приказало выплатить указанные суммы (восемь голосов против одного).

Б. Затраты и расходы

Требование заявителя удовлетворено частично.

Вывод: Государство-ответчик приказало выплатить указанную сумму (восемь голосов против одного).

ПРАКТИЧНАЯ ПРАКТИКА СУДА ССЫЛАЕТСЯ НА

24 марта 1988 г., Олссон против Швеции (№ 1); 20 марта 1991 г., Крус Варас и другие против Швеции; 27 августа 1992 г., Томази против Франции; 22 марта 1995 г., Куинн против Франции; 27 сентября 1995 г., Макканн и другие против Соединенного Королевства; 16 сентября 1996 г., Акдивар и другие против Турции; 15 ноября 1996 г., Чахал против Соединенного Королевства; 18 декабря 1996 г., Аксой против Турции; 25 сентября 1997 г., Айдын против Турции; 28 ноября 1997 г., Ментеш и другие против Турции; 19.02.1998, Кая против Турции

В деле Курт против Турции¹,

Европейский суд по правам человека, заседая в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») и соответствующими положениями Регламента Суда А², как Палата в составе следующих судей:

г-н Р. БЕРНХАРДТ, президент,
г-н Ф. ГЁЛЬДЖЮКЛЮ,
г-н Ф. МАТЧЕР,
г-н Л.-Э. ПЕТТИТИ,
г-н И. ФОЙГЕЛЬ,
г-н Дж. М. МОРЕНИЛЛА,
г-н Г. МИФСУД БОННИЧИ,
г-н К. ЮНГВИРТ,
г-н У. ЛОХМУС,

а также г-на Х. Петцольда, Секретаря, и г-на П. Дж. Махони, заместителя Секретаря, совещавшись за закрытыми дверями 3 февраля и 27 апреля 1998 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последнюю указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской комиссией по правам человека («Комиссия») 22 января 1997 г. в течение трехмесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Оно было основано на жалобе (№ 24276/94) против Турецкой Республики, поданной в Комиссию в соответствии со статьей 25 гражданкой Турции г-жой Кочери Курт 11 мая 1994 г. Жалоба была подана заявителем от своего имени и от имени имени ее сына.

Запрос Комиссии относился к статьям 44 и 48 и к заявлению, согласно которому Турция признала обязательную юрисдикцию Суда (статья 46). Цель запроса состояла в том, чтобы получить решение о

Примечания Секретаря

1. Номер дела 15/1997/799/1002. Первая цифра – это позиция дела в списке дел, переданных в Суд в соответствующем году (вторая цифра). Последние две цифры указывают положение дела в списке дел, переданных в Суд с момента его создания, и в списке соответствующих исходящих обращений в Комиссию.

2. Правила Суда А применяются ко всем делам, переданным в Суд до вступления в силу Протокола № 9 (1 октября 1994 г.), а затем только к делам, касающимся государств, не связанных этим Протоколом. Они соответствуют Правилам, вступившим в силу 1 января 1983 г., с последующими неоднократными изменениями.

свидетельствуют ли факты дела о нарушении государством-ответчиком своих обязательств по статьям 2, 3, 5, 13, 14, 18 и 25 § 1 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с Правилom 33 § 3 (d) Регламента Суда А, заявительница заявила, что желает принять участие в разбирательстве, и назначила адвокатов, которые будут ее представлять (Правило 30). 18 марта 1997 г. Председатель Палаты отклонил просьбу заявительницы об обеспечении перевода на неофициальный язык в ходе публичного слушания, учитывая тот факт, что двое ее адвокатов использовали один из официальных языков (Правило 27).

3. В состав Палаты, которая должна быть сформирована, вошли *ex officio* г-н Ф. Гельджюкюлю, избранный судья, гражданин Турции (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Бернхардт, вице-председатель Суда (правило 21 § 4 (b)). 21 февраля 1997 г. в присутствии Секретаря Председатель Суда г-н Р. Риссдал выбрал по жребию имена остальных семи членов, а именно г-на Ф. Матчера, г-на Л.-Э. Петтити, г-на И. Фойгель, г-н Дж. М. Моренилла, г-н Г. Мифсуд Бонничи, г-н К. Юнгвирт и г-н У. Лохмус (пункт 5 статьи 43 Конвенции и правило 21).

4. В качестве Председателя Палаты (Правило 21 § 6) г-н Бернхардт, действуя через Секретаря, консультировался с представителем правительства Турции («Правительство»), адвокатами заявителя и делегатом Комиссии по вопросам организации разбирательства (Правила 37 § 1 и 38). В соответствии с постановлением, вынесенным впоследствии 17 апреля 1997 г., Секретарь получил меморандум заявителя 23 сентября 1997 г. и меморандум Правительства 3 ноября 1997 г., причем Правительство получило от Председателя Палаты 29 мая 1997 г. разрешение на продление срока действия срок подачи меморандума.

5. 24 сентября 1997 г. председатель Палаты в соответствии с пунктом 2 правила 37 разрешил Amnesty International представить письменные комментарии по делу при соблюдении определенных условий. Эти комментарии были получены в канцелярии 7 ноября 1997 г. и доведены до сведения представителя правительства, адвокатов заявителя и представителя комиссии.

6. 27 сентября 1997 г. Комиссия представила ряд документов из досье рассматриваемого дела по запросу Секретаря по поручению Председателя.

7. В соответствии с решением Председателя судебное слушание состоялось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 26 января 1998 г. Суд заранее провел подготовительное заседание.

Перед судом предстали:

- (а) *для правительства*
г-н М.ОЗМЕН,
РС Д.АКЧАЙ, *со-Агенты,РС* А.ЭМЮЛЕР,

г-н Ф.ПОЛАТ,РС А.ГЮНЬЯКТИ,РС
М.АНАЯРОГЛУ,Г-н А.КАЯ,
г-н К.АЛАТАШ, *Советники;*
- (б) *для Комиссии*
г-н Н.БРАТЦА, *делегат;*
- (с) *для заявителя*
РС Ф.ХЭМПСОН, адвокат, г-жа А.РЕЙДИ, адвокат,
Советник,Г-н О.БАЙДЕМИР,Г-н К.ЙЫЛДЫЗ,
Советники.

Суд заслушал выступления г-на Братца, г-жи Хэмпсон и г-жи Акчай.

КАК ФАКТЫ

Я. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Кандидат

8. Заявительница, г-жа Кочери Курт, гражданка Турции, 1927 года рождения, в настоящее время проживает в Бисмиле на юго-востоке Турции. На момент событий, послуживших основанием для подачи ею заявления в Комиссию, она проживала в близлежащем селе Агылли. Ее жалоба в Комиссию была подана от ее имени и от имени ее сына Узеира Курта, который, как она утверждает, исчез при обстоятельствах, на которые распространяется ответственность государства-ответчика.

Факты

9. Факты исчезновения сына заявительницы оспариваются.

10. Факты, представленные заявительницей в ее заключительных замечаниях по существу ее жалобы в ходе разбирательства в Комиссии, содержатся в Разделе А ниже. Эта версия фактов также касается ее утверждения о том, что она и ее адвокат подверглись запугиванию со стороны властей в связи с ее решением подать жалобу в Комиссию. Заявительница не восстанавливала свою версию обстоятельств исчезновения ее сына в меморандуме Суду, полагаясь скорее на факты, установленные Комиссией в ее заключении (статья 31), принятом 5 декабря 1996 г.

11. Факты, представленные Правительством, изложены в Разделе В.

12. Описание материалов, представленных в Комиссию, содержится в Разделе С. Описание разбирательства в национальных органах в отношении исчезновения сына заявительницы, установленного Комиссией, изложено в Разделе D.

13. Комиссия с целью установления фактов в свете спора об обстоятельствах исчезновения сына заявительницы провела собственное расследование в соответствии со статьей 28 § 1 (а) Конвенции. С этой целью Комиссия рассмотрела ряд документов, представленных как заявителем, так и Правительством в поддержку их соответствующих утверждений, и назначила трех делегатов для получения показаний свидетелей на слушаниях, проведенных в Анкаре 8 и 9 февраля 1996 г. Оценка Комиссии доказательств и его выводов обобщаются в Разделе E.

А. Факты, представленные заявителем*1. Относительно исчезновения сына заявительницы*

14. С 23 по 25 ноября 1993 года силы безопасности в составе жандармов и нескольких деревенских охранников провели операцию в селе Агыллы. 23 ноября 1993 года, после того как разведка сообщила, что деревню посетят трое террористов, силы безопасности заняли позиции вокруг деревни. Последовали два столкновения. В течение двух дней, проведенных в селе, они провели обыск в каждом доме. Во время операции было сожжено несколько домов, от десяти до двенадцати, в том числе дома заявителя, Мевлюде и Али Курта, поскольку Мевлюде приходилась ее сыну тетей. Только три дома находились рядом с местами столкновений. Другие дома были сожжены во второй раз во время военной операции.

сельским жителям сказали, что у них есть неделя, чтобы эвакуировать деревню. Жители деревни бежали в Бисмил, многие из них были бездомными, и те, кто не боялся остаться.

15. По словам заявительницы, около полудня 24 ноября 1993 г., когда солдаты собрали жителей деревни на школьном дворе, солдаты искали ее сына Узеира, которого не было на школьном дворе. Он скрывался в доме своей тети Мевлюде (см. пункт 14 выше). Когда солдаты спросили Айнур Курта, его дочь, где ее отец, Айнур ответила им, что он в доме своей тети. Солдаты пришли в дом Мевлюде с Давутом Куртом, еще одним из сыновей заявительницы, и забрали Узеира из дома. Узеир провел ночь с 24 на 25 ноября 1993 г. с солдатами в доме Хасана Кылыча.

Утром 25 ноября 1993 г. заявительница получила сообщение от ребенка о том, что Узеиру нужны сигареты. Заявитель взял сигареты и нашел Узеира перед домом Хасана Кылыча в окружении примерно десяти солдат и пяти-шести деревенских охранников. Она увидела синяки и припухлости на его лице, как будто он был избит. Узеир сказал ей, что ему холодно. Она вернулась с его курткой и носками. Солдаты не позволили ей остаться, и она ушла. Это был последний раз, когда она видела Узеира. Заявитель утверждает, что нет доказательств того, что его видели в другом месте после этого времени.

16. 30 ноября 1993 г. заявительница обратилась к прокурору Бисмил Ризвану Йылдырыму с просьбой выяснить информацию о местонахождении ее сына. В тот же день она получила ответ от капитана Иззета Курала из провинциального штаба жандармерии, в котором говорилось, что предполагается, что Узеир был похищен РПК (Курдской рабочей партией). Капитан Курал, предложивший план операции в деревне, 4 декабря 1993 г. ответил тем же. был похищен РПК.

17. 14 декабря 1993 г. заявитель обратился в Суд государственной безопасности в Диярбакыре, который ответил, что он не числится в их списках задержанных. 15 декабря 1993 г. она снова связалась с прокурором Бисмил, но ее передали в жандармерию. Наконец, 24 декабря 1993 г. заявительница обратилась за помощью в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию и сделала заявление об обстоятельствах исчезновения ее сына.

18. 28 февраля 1994 года Давут Каракоч (двоюродный брат Узеира), Арап Курт (дядя Узеира и мухтар деревни) и Мехмет Курт (еще один из двоюродных братьев Узеира) были доставлены в жандармерию и допрошены о том, что им известно об «Узеире Курте, который был похищен представителями террористической организации РПК». 21 марта 1994 г. прокурор Бисмила вынес решение об отсутствии юрисдикции на том основании, что преступление было совершено РПК.

2. *Относительно предполагаемого запугивания и вмешательства в осуществление права на подачу индивидуальной жалобы*

(а) В отношении заявителя

19. Заявительница утверждает, что с момента подачи заявления в Комиссию 11 мая 1994 г. она стала объектом чрезвычайно согласованной кампании со стороны государственных органов, направленной на то, чтобы заставить ее отозвать свое заявление.

20. 19 ноября 1994 г. заявитель был вызван для дачи показаний прокурору Бисмиле по указанию главного прокурора Диярбакыра. В этом заявлении ее спрашивали о заявлении, которое она сделала в Ассоциации прав человека Диярбакыра 24 декабря 1993 г. (см. пункт 17 выше), а также о ее заявлении в Комиссию. В своем заявлении прокурору она отрицала, что сельские жители подвергались пыткам со стороны сил безопасности, как это утверждалось в заявлении, изъятом Диярбакырской ассоциацией прав человека, и отвергла упоминание в последнем заявлении о том, что ее сын был пытан. Она просто сообщила Ассоциации прав человека, что лицо ее сына выглядит опухшим.

21. 9 декабря 1994 г. заявитель подписала заявление, адресованное Диярбакырской ассоциации прав человека, в котором говорилось, что ее петиции были написаны террористической организацией РПК и использовались в пропагандистских целях. Аналогичное заявление было направлено в тот же день в МИД в Анкаре.

22. 6 января 1995 г. государственные органы вызвали заявителя к нотариусу в Бисмиле, и его сопровождал военнослужащий. Она не заплатила нотариусу. В подписанном заявлении указывалось, что ее единственным желанием было найти сына, и именно по этой причине она связалась с Диярбакырской ассоциацией прав человека. Она указала, что РПК подала необоснованное ходатайство от ее имени, обвиняя силы безопасности в исчезновении ее сына. Она отклонила заявление, поданное от ее имени в Комиссию, и не пожелала продолжать его.

23. 25 января 1995 г. Генеральная прокуратура приняла заявление как часть дела, подготовленного властями с целью подачи жалобы на адвоката заявителя, г-на Махмута Шакара (см. пункт 25 ниже).

24. 10 августа 1995 г. заявительница сделала еще одно заявление у нотариуса в Бисмиле, в котором предполагалось отозвать свое заявление в Комиссию. Хотя ее не заставляли что-либо говорить нотариусу, и она сказала ему то, что хотела написать, заявительница утверждала, что заявления не отражают ее желания, и у нее не было возможности проверить содержание заявлений.

(б) Действия, предпринятые в отношении адвоката заявителя г-на Шакара

25. Заявительница утверждает, что власти предприняли шаги с целью привлечь к ответственности ее адвоката Махмута Шакара за его причастность к ее жалобе в Комиссию. Она ссылается на просьбу, содержащуюся в документе от 12 января 1995 г. г-на Озкарола из Управления по правам человека Министерства иностранных дел, о возбуждении расследования в отношении г-на Шакара, который подозревался в эксплуатации заявителя и подал жалобу против Турции.

Б. Факты, представленные Правительством*1. Относительно исчезновения сына заявительницы*

26. Агылли - деревня из тридцати шести дворов. Из этой деревни и ее окрестностей около пятнадцати мужчин и женщин присоединились к РПК, что является высоким показателем для такой маленькой деревни. Среди них Тюркан Курт, дочь Мусы Курта, одного из сыновей заявителя.

27. Несмотря на то, что в деревне была проведена операция и произошли столкновения между силами безопасности и подозреваемыми в терроризме, Узеир Курт не был взят под стражу силами безопасности. У него не было предыдущих задержаний или проблем с властями, и не было никаких оснований для его заключения под стражу.

28. Правительство утверждает, что есть веские основания полагать, что Узеир Курт действительно присоединился к РПК или был похищен ею. Они ссылаются на тот факт, что семья утверждает, что его брат умер в заключении жандармерии несколько лет назад; тот факт, что заявитель утверждал, что он спрятался, когда силы безопасности прибыли в село; и тот факт, что его дом был сожжен после столкновения в деревне. Кроме того, некоторые члены семьи уже присоединились к РПК, и через несколько месяцев после операции в деревне за пределами деревни было найдено убежище, которое, как утверждается, использовал Узеир Курт в своих контактах с РПК. Также существует устойчивая традиция бегства сельских жителей в горы в начале любых военных действий. Жители деревни также заявили, что слышали, что он был похищен РПК.

29. Правительство утверждает, что Узеир мог спрятаться в деревне в начале операции, а затем под покровом темноты и плохой погоды проскользнуть через блокаду сил безопасности. Мехмет Карабулут свидетельствовал перед делегатами Комиссии на слушаниях в Анкаре, что в ночь после первого столкновения Узеир спал в доме Мевлюде (см. пункт 15 выше), но когда он проснулся утром, Узеира там уже не было. Правительство подчеркивает, что Мехмет Карабулут показал, что не видел и не слышал солдат в доме Мевлюде, что подтверждает, что Узеир ушел по собственному желанию.

30. Единственным человеком, который утверждает, что видел Узеира после этого, является заявитель, чьи показания непоследовательны, противоречивы и необоснованны. В частности, она заявила делегатам на слушаниях в Анкаре (см. пункт 13 выше), что у жителей деревни, собравшихся на школьном дворе, были завязаны глаза. Впоследствии она отказалась от этого заявления. Кроме того, ее заявления в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию и в Комиссию в ее заявлении касаются одного визита к ее сыну, чтобы дать ему сигареты, тогда как в своих устных показаниях перед делегатами она упомянула два визита; ее описания того, как она получила сообщение от своего сына, различаются, и она не могла опознать ребенка, который якобы передал ей сообщение о том, что ее сын хочет сигареты (см. пункт 15 выше). Кроме того, ее рассказ о двух поездках через деревню, когда силы безопасности заявили, что держат людей в домах из соображений безопасности, неправдоподобен. Правительство также утверждает, что заявительница не могла забрать куртку и носки своего сына из его дома 25 ноября (см. пункт 15 выше), поскольку заявительница утверждала, что они сгорели накануне.

31. Власти особо подчеркивают тот факт, что Хасан Кылыч (см. пункт 15 выше) в своих показаниях жандармам от 7 декабря 1994 г. утверждал, что заявительница пришла к нему домой, поговорила со своим сыном, который провел там ночь, а затем ушла с его. Солдаты не ушли с Узеиром. Кроме того, Узеир не просил, чтобы ему приносили сигареты в дом; он также не видел, чтобы Узеира задерживали перед его домом солдаты и деревенские охранники, как утверждается. На самом деле, как сообщил делегатам на слушаниях в Анкаре капитан Кураль, ни одна сельская стража не входила в деревню для поддержки военной операции.

32. В подтверждение несоответствий и противоречий в описании событий заявителем Правительство также указывает на утверждения, первоначально сделанные в жалобе заявителя в Комиссию, в которой утверждалось, что солдаты убивали скот, грабили имущество и избивали жителей деревни. Заявитель признал, что эти утверждения были неверными, когда давал показания делегатам.

2. Относительно предполагаемого запугивания и вмешательства в осуществление права на индивидуальную жалобу

33. Правительство утверждает, что заявитель не подвергался какому-либо давлению с тем, чтобы он не давал показаний перед делегатами, как это решительно утверждали представители заявителя.

34. Правительство утверждает, что заявитель ясно заявила, что не желает подавать жалобу на государство. Ее единственной заботой было найти сына, и только с этой целью она обратилась в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию. Она никогда не подвергалась давлению со стороны властей с целью отозвать свое заявление в Комиссию.

6 января и 10 августа 1995 г. она свободно давала показания нотариусу Бисмил (см. пункты 22 и 24 выше), в которых она отклоняла заявление в Комиссию, которое Диярбакырская ассоциация прав человека представила от ее имени. Когда она делала эти заявления, рядом с ней не было солдат, присутствовал переводчик, и ее показания были зачитаны ей до того, как она сняла с них отпечатки пальцев.

35. По мнению правительства, заявителем манипулировали представители Диярбакырской ассоциации прав человека, которые исказили предоставленную ею информацию об исчезновении ее сына, превратив ее в необоснованные утверждения о том, что солдаты, среди прочего, зарезали и съели домашний скот сельских жителей. во время операции в селе грабили их имущество и пытали лиц, содержащихся на школьном дворе (см. пункт 32 выше). Позднее было показано, что эти и другие серьезные обвинения были сфабрикованы, и сама заявительница отрицала, что она их выдвинула. Власти никогда не оказывали на нее давления, чтобы она не присутствовала на слушаниях делегатов в Анкаре. На самом деле, она собиралась не присутствовать, так как очень хотела прекратить подачу заявления.

36. Что касается судебного преследования адвоката заявителя, Махмута Шакара, власти Российской Федерации утверждают, что он способствовал манипулированию жалобой в Комиссию и использовал систему Конвенции в пропагандистских целях. Решение правительства возбудить против него дело было оправданным.

С. Материалы, представленные заявителем и Правительством Комиссии в поддержку ихпять утверждений

37. В ходе разбирательства в Комиссии заявительница и Правительство представили ряд показаний, которые она дала в период с 24 декабря 1993 г. по 7 февраля 1996 г. в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию, прокуратуру Бисмил, жандармерию, Генеральную прокуратуру г. Диярбакыр. и к нотариусу в Бисмил. Заявительница также представила официальные документы, касающиеся расследования поведения ее адвоката Махмута Шакара. Эти материалы были изучены Комиссией при оценке существа утверждений заявительницы как об исчезновении ее сына, так и о запугивании ее и ее адвоката.

38. Жандармы взяли показания у двенадцати жителей села в период с 23 февраля по 7 декабря 1994 года. 23 февраля 1994 года жандармы и спросил об «их знаниях и наблюдениях о заложнике Узеире Курте, который был похищен РПК». Хасан Кылыч (см. пункт 15 выше), Мевлюде Курт (см. пункт 15 выше) и другие жители деревни, присутствовавшие во время военной операции, были допрошены

жандармами 7 декабря 1994 года. Никто из допрошенных жителей деревни не видел, чтобы Узеира Курта брали под стражу. Хасан Кылыч подтвердил в своем заявлении, что Узеир Курт прибыл к нему домой утром 24 ноября, провел там ночь и уехал на следующее утро, когда приехала его мать. Хотя солдаты оставались в доме на ночь, Хасан Кылыч утверждал, что заявительница и ее сын вышли из дома вместе, и солдаты определенно не ушли с Узеиром Куртом.

Все приведенные выше утверждения были изучены Комиссией при оценке представленных ей доказательств. Власти ссылаются на эти заявления в поддержку своего утверждения о том, что сын заявительницы не был задержан в деревне силами безопасности, как утверждалось, и что существовала разумная вероятность того, что он был либо похищен РПК, либо ушел, чтобы присоединиться к РПК.

Правительство также представило в ходе разбирательства в Комиссии отчет об инциденте, составленный силами безопасности 24 ноября 1993 года; рапорт прокурора Бисмила от 19 ноября 1994 г. в прокуратуру Диярбакыра, в котором говорилось, что доказательства указывали на то, что сын заявительницы был похищен РПК после столкновения 23 ноября 1993 г.; и отчет от 8 декабря 1994 г., подготовленный полковником Эшрефом Хатипоглу из Главного командования жандармерии Диярбакыра, о проведении операции в деревне Агыллы и подтверждающий, в частности, что сын заявительницы не был взят под стражу.

Д. Производство дое национальные власти

39. 30 ноября 1993 г. заявитель подал заявление с отпечатком большого пальца прокурору Бисмила Ризвану Йылдырымму. В нем говорилось, что ее сын был взят под стражу после столкновения между жандармами и РПК в ее деревне, и что она обеспокоена его судьбой. Она просила сообщить ей о его судьбе. В тот же день прокурор передал ходатайство в районное управление жандармерии с собственноручной просьбой о предоставлении сведений. В тот же день окружное управление жандармерии от руки отметило в петиции, что заключение Узеира Курта под стражу не соответствует действительности, и предполагалось, что он мог быть похищен РПК.

40. Письмом от 30 ноября 1993 года капитан Курал, возглавляемый провинциальным командованием жандармерии, сообщил Главной прокуратуре Бисмила в ответ на их письмо без номера, что Узеир Курт не был взят под террористы.

41. Письмом от 4 декабря 1993 года капитан Курал, командующий окружной жандармерией, возглавлявший управление окружной жандармерии в Бисмиле, сообщил Главной прокуратуре Бисмила, что Узеир Курт не был взят под террористы (термины идентичны письму от 30 ноября в предыдущем абзаце).

42. 14 декабря 1993 г. заявитель подал прошение об отпечатках пальцев главному прокурору в суд государственной безопасности в Диярбакыре. Она заявила, что ее сын Узеир был взят под стражу жандармами двадцать дней назад, и, поскольку у них не было новостей, они опасались за его жизнь. Она просила предоставить ей информацию о его местонахождении. В нижней части петиции главный прокурор в тот же день от руки отметил, что имени Узеира Курта нет в их списках задержанных.

43. 15 декабря 1993 г. заявитель подала вторую письменную жалобу прокурору Бисмила, в которой повторялись условия ее жалобы от 14 декабря. Прокурор написала на ходатайстве указание областному управлению жандармерии предоставить ей запрошенную информацию.

44. 21 марта 1994 г. прокурор Бисмил Ридван Йылдырым вынес решение об увольнении. В документе заявитель идентифицируется как заявитель, а потерпевший — как Узеир Курт. Преступление было идентифицировано как членство в запрещенной организации и похищение людей, а подозреваемые - члены РПК. В тексте решения говорилось, что после столкновения между РПК и силами безопасности члены РПК бежали из села, похитив указанную жертву. Поскольку это преступление попадало под юрисдикцию судов национальной безопасности, дело было прекращено и передано вместе с материалами в суд национальной безопасности Диярбакыра.

Э. Оценка Комиссией доказательств и установление фактов

1. Письменные и устные доказательства

45. Комиссия приняла во внимание документальные доказательства, представленные заявителем и Правительством в поддержку их соответствующих утверждений (см. пункты 37 и 38 выше). Кроме того, на слушаниях, состоявшихся в Анкаре с 8 по 9 февраля 1996 г., делегаты Комиссии заслушали устные показания следующих свидетелей: заявителя; Арап Курт, мухтар села Агылли и зять заявителя; Ризван Йылдырым, прокурор города Бисмил, к которому заявительница впервые обратилась по поводу исчезновения ее сына (см. пункт 16 выше); Иззет Курал, командир жандармерии Бисмилского района, предложивший план военной операции в селе Агылли (см. пункт 31 выше); Мухаррам Кюпели, командир отряда коммандос, который был развернут во время военной операции в

деревня; и Мехмет Карабулут, который в последний раз видел сына заявительницы в доме Али и Мевлюде Куртов, когда началась военная операция (см. § 29 настоящего Постановления).

В то время как тринадцать свидетелей были вызваны для дачи показаний, только шесть вышеупомянутых свидетелей фактически явились на слушание и дали показания.

2. Подход к оценке доказательств

46. Комиссия подошла к своей задаче в отсутствие каких-либо выводов о фактах, сделанных национальными судами, и какого-либо тщательного судебного расследования или другого независимого расследования рассматриваемых событий. При этом он оценил имеющиеся у него доказательства, принимая во внимание, в частности, поведение свидетелей, которых делегаты заслушали на слушаниях в Анкаре, и необходимость принимать во внимание при вынесении своих выводов наличие достаточно сильных, четких и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Комиссия также приняла во внимание трудности, связанные с оценкой доказательств, полученных на слушаниях делегатов через переводчиков, и уязвимое положение жителей деревень с юго-востока Турции при даче показаний об инцидентах с участием РПК и сил безопасности.

3. Выводы Комиссии о фактах

(а) Военная операция в Агыллы вневоля

47. Комиссия установила, что письменные и устные показания в основном соответствовали общему ходу событий во время операции. Установлено, что жители села собрались на школьном дворе утром 24 ноября, после чего в их домах были произведены обыски. Во время столкновений между силами безопасности и террористами, вошедшими в село накануне вечером, было сожжено несколько домов, в том числе дома заявительницы и ее сына. 25 ноября жители деревни снова собрались на школьном дворе. В ходе столкновений, произошедших в ходе операции, были убиты трое террористов и один сотрудник силовых структур. Двенадцать жителей деревни были взяты под стражу 24 ноября и освобождены 26 ноября. Силовики покинули село поздно вечером 25 ноября.

(б) Предполагаемое заключение под стражу сына заявительницы Узеира Курта

48. Комиссия отметила, что было установлено, что Узеир Курт находился в деревне Агыллы вечером 23 ноября 1993 г. и что доказательства указывали на то, что он провел ночь в доме своих дяди и тети, Али и Мевлюде Курт, потому что столкновения между РПК и силами безопасности.

49. Также было установлено, что, когда утром 24 ноября 1993 года силы безопасности собрали жителей деревни на школьном дворе, Узеира Курта среди них не было.

50. Хотя Хасан Кылыч утверждал, что Узеир Курт ушел со своей матерью утром 25 ноября, проведя ночь в своем доме, заявительница, тем не менее, последовательно утверждала, что ее сын был с солдатами после того, как жители деревни были собраны днем в школьный двор. В последний раз она видела его, когда приносила ему сигареты и одежду в дом Хасана Кылыча, где его удерживали силы безопасности. Ее версия в значительной степени соответствовала ее первоначальному заявлению от 24 декабря 1993 года, полученному Диярбакырской ассоциацией прав человека, а также ее показаниям и показаниям после этого. Хотя к заявлению Ассоциации прав человека Диярбакыра следует относиться с осторожностью, принимая во внимание предыдущую критику Комиссии в отношении точности показаний, полученных этой ассоциацией от заявителей в других делах, Комиссия, тем не менее, сочла, что они имеют доказательную силу, поскольку подтверждаются подробным отчетом заявителя перед делегатами. Хотя заявление Хасана Кылыча, по-видимому, противоречило версии заявительницы о том, что ее сын был задержан, как утверждалось, Комиссия установила, что оно содержало неточности и было открыто для различных толкований. Комиссия выразила сожаление по поводу того, что Хасан Кылыч не ответил на вызов явиться на слушание и дать показания. В тех случаях, когда его письменное заявление противоречило показаниям заявителя, который давал устные показания перед делегатами, Комиссия отдавала предпочтение показаниям заявителя.

51. Комиссия не сочла, что критика Правительством версии заявительницы была достаточной, чтобы подорвать доверие к ней (см. пункты 30–32 выше). Что касается ее первоначального утверждения о том, что сельским жителям завязали глаза, возможно, это имело в виду двенадцать человек, которых увели со школьного двора и взяли под стражу для допроса в Бисмиле (см. пункт 47 выше). Что касается рассказа заявительницы о том, что она нашла сигареты и куртку, Комиссия не усмотрела особого значения в том, что она не указала, откуда она взяла куртку: этот вопрос никогда не задавался ей напрямую. Далее, в показаниях жандармов не было ничего, что указывало бы на то, что жители деревни не могли, если бы захотели,

52. Утверждалось, что все сельские охранники были размещены за пределами села для присмотра за транспортными средствами военных, и поэтому их члены не могли находиться за пределами дома Хасана Кылыча, как утверждает заявитель. Тем не менее, Комиссия не сочла это исключенным

на основании доказательств того, что деревенские охранники находились в деревне в какой-то момент во время операции, в отличие от очевидной оперативной практики, в соответствии с которой роль деревенских охранников должна быть ограничена районами за пределами деревень, кроме их собственной территории.

53. Комиссия пришла к выводу, что заявитель искренне и искренне верила в то, что ее сын был взят под стражу силами безопасности, после чего он «исчез», и что не было никаких оснований для вывода о том, что на показания заявителя повлияло нежелание возлагать вину к РПК или признать свою причастность. Принимая во внимание оценку представленных ей доказательств, Комиссия приняла ее показания о том, что утром 25 ноября 1993 года она видела его в окружении солдат и деревенских охранников возле дома Хасана Кылыча. Было установлено, что это был последний раз, когда его видели любой член его семьи или человек из деревни.

(с) Другие аспекты проведения операции

54. Комиссия сочла ненужным делать какие-либо выводы относительно причины поджога дома заявительницы или роли сил безопасности, если таковая была, в решении жителей деревни покинуть деревню (см. пункт 14 выше). .

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

55. Правительство не представило в своем меморандуме никаких подробностей о положениях внутреннего законодательства, которые имеют отношение к обстоятельствам дела. Комиссия в своем отчете по статье 31 представила обзор внутреннего законодательства и практики, которые могут иметь отношение к делу. Этот обзор был основан на представлениях государства-ответчика по предыдущим делам.

A. Конституционные положения об административной ответственности

56. Статья 125 Конституции Турции гласит:

«Все акты или решения администрации подлежат судебному обжалованию...

Администрация обязана возместить любой ущерб, причиненный ее собственными действиями и мерами».

57. Это положение не подлежит никаким ограничениям даже в условиях чрезвычайного или военного положения. Последнее требование положения не обязательно требует доказывания наличия какой-либо вины со стороны администрации, ответственность которой носит абсолютный, объективный характер, основанный на теории «социального риска». Таким образом, администрация может возместить ущерб людям,

которые понесли ущерб в результате действий, совершенных неизвестными или террористическими лицами, когда можно сказать, что государство не выполнило своих обязанностей по поддержанию общественного порядка и безопасности или своих обязанностей по защите жизни и имущества отдельных лиц.

Б. Уголовное право и процесс

58. Уголовный кодекс Турции квалифицирует это как уголовное преступление.

- незаконно лишить человека свободы (статья 179 в целом, статья 181 в отношении государственных служащих),
- высказывать угрозы (статья 191),
- подвергнуть лицо пыткам или жестокому обращению (статьи 243 и 245).

В отношении всех этих правонарушений жалобы могут быть поданы в соответствии со статьями 151 и 153 Уголовно-процессуального кодекса в прокуратуру или в местные административные органы. Прокуратура и полиция обязаны расследовать сообщения о преступлениях, причем первая принимает решение о возбуждении уголовного дела в соответствии со статьей 148 Уголовно-процессуального кодекса. Заявитель может обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела.

59. Как правило, если предполагаемый виновник преступления является государственным должностным лицом или гражданским служащим, разрешение на судебное преследование должно быть получено от местных административных советов (исполнительного комитета провинциального собрания). Решения местного совета могут быть обжалованы в Высшем административном суде; отказ в возбуждении уголовного дела подлежит автоматической апелляции такого рода. Если преступник является военнослужащим, он подпадает под юрисдикцию военных судов и будет предстать перед судом в соответствии с положениями статьи 152 Военно-уголовного кодекса.

С. Гражданско-правовые нормы

60. Любое противоправное действие государственных служащих, будь то уголовное преступление или правонарушение, причинившее материальный или моральный ущерб, может быть предметом иска о компенсации в обычных гражданских судах. В соответствии со статьей 41 Гражданского кодекса пострадавшее лицо может подать иск о возмещении ущерба против предполагаемого виновного, причинившего ущерб незаконным образом, будь то умышленно, по небрежности или неосторожности. Материальный ущерб может быть возмещен гражданскими судами в соответствии со статьей 46 Гражданского кодекса, а моральный или моральный вред может быть присужден в соответствии со статьей 47.

61. Иск против администрации может быть подан в административный суд, разбирательство в котором ведется в письменной форме.

Д. Влияние Указа №. 285

62. В предыдущих делах против государства-ответчика, в котором они участвовали, представители заявителя указывали на определенные правовые положения, которые сами по себе ослабляют защиту лица, которая в противном случае могла бы быть обеспечена вышеуказанной общей схемой. Указ № 285 изменяет применение Закона №. 3713 (Закон о предотвращении терроризма 1981 года) в тех районах, где действует чрезвычайное положение, в результате чего решение о судебном преследовании сотрудников сил безопасности отстраняется от государственного прокурора и возлагается на местные административные советы. Эти советы состоят из государственных служащих и подвергаются критике за отсутствие у них юридических знаний, а также за легкое влияние со стороны губернатора региона или губернаторов провинций, которые также возглавляют силы безопасности.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАТЕРИАЛ

63. Заявитель, а также Amnesty International в своих письменных обращениях в Суд обратили внимание на международные материалы по вопросу о насильственных исчезновениях. Комиссия сослалась на следующие тексты и решения, более полный анализ которых содержится в приложении к ее отчету (статья 31).

А. материалы Организации Объединенных Наций

64. Декларация Организации Объединенных Наций о защите всех лиц от насильственных исчезновений (резолюция ГА 47/133 от 18 декабря 1992 г.) предусматривает, в частности:

«Систематическая практика исчезновения носит характер преступления против человечности и представляет собой нарушение права на признание правосубъектности, права на свободу и личную неприкосновенность, права не подвергаться пыткам: оно также нарушает право на жизнь или представляет собой серьезную угрозу».

Б. Прецедентное право Комитета ООН по правам человека (HRC)

65. Комитет ООН по правам человека, действуя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах («МПГПП»), подготовил отчеты по ряду случаев насильственных исчезновений: Кинтерос против Уругвая (107/1981) Доклад Комитет по правам человека, GAOR, 38-я сессия, Дополнение №. 40 (1983) Приложение XXII, § 14; Мохика против Доминиканской Республики, решение от 15 июля

1994 г., Мнения Комитета в соответствии со статьей 5 § 4 Факультативного протокола к МПГПП в отношении сообщения №. 449/1991: Юридический журнал прав человека («HRLJ») vol. 17 шт. 1–2, с. 18; Баутиста против Колумбии, решение от 27 октября 1995 г., Мнения Комитета в соответствии со статьей 5 § 4 Факультативного протокола к МПГПП в отношении сообщения №. 563/1993: HRLJ vol. 17 шт. 1–2, с. 19).

С. Материал Организации Американских Состояний (ОАГ)

66. Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц (резолюция, принятая на 7-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 9 июня 1994 г., OAS/Ser. PAG/doc. 3114/94 rev.1: еще не вступила в силу) предусматривает, среди прочего:

“Прембула

... Учитывая, что насильственное исчезновение людей представляет собой крайне серьезную форму репрессий, нарушающую основные права человека, закрепленные в Американской декларации прав и обязанностей человека, Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Американская конвенция о правах человека,

...

Статья 2

Для целей настоящей Конвенции под насильственным исчезновением понимается похищение или задержание любого лица представителем государства или лицом, действующим с согласия или молчаливого согласия государства, при обстоятельствах, когда по истечении разумного периода времени не было предоставлено никакой информации, которая позволила бы установить судьбу или местонахождение похищенного или задержанного лица.

...

Статья 4

Насильственное исчезновение человека является преступлением против человечества. В соответствии с положениями настоящей Конвенции оно влечет за собой личную ответственность лиц, виновных в его совершении, и ответственность государства, власти которого совершили исчезновение или дали на него согласие.

...

Статья 18

Путем ратификации настоящей Конвенции или присоединения к ней государства-участники принимают Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Резолюция 663 С [XXIV] Экономического и Социального Совета от 31 июля 1957 г.) в качестве неотъемлемой части своих национальных закон."

Д. Прецедентное право Межамериканского суда по правам человека

67. Межамериканский суд по правам человека рассматривал вопрос о насильственных исчезновениях по ряду дел в соответствии с положениями Американской конвенции о правах человека и до принятия Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц: Веласкес Родригес против Гондурас, решение от 29 июля 1988 г. (Inter-Am. Ct. HR (Сер. С) № 4) (1988)); Годинес Крус против Гондураса, решение от 20 января 1989 г. (Inter-Am. Ct. HR (сер. С) № 5) (1989)); и Кабельеро-Дельгадо и Сантана против Колумбии, решение от 8 декабря 1995 г. (Inter-Am. Ct. HR).

Е. Материалы Amnesty International

68. В своих письменных заявлениях в Суд Amnesty International определила следующие элементы преступления «исчезновения» на основе анализа соответствующих международных документов, касающихся этого явления: (а) лишение свободы; (b) правительственными агентами или с их согласия или молчаливого согласия; с последующим (с) отсутствием информации или отказом признать факт лишения свободы или отказом раскрыть судьбу или местонахождение лица; (d) тем самым лишая таких лиц защиты закона.

69. По данным Amnesty International, хотя «исчезновения» часто имеют систематический характер, в этом нет необходимости. Кроме того, «исчезновение» следует рассматривать как нарушение не только свободы и безопасности личности, но и других основных прав. Они ссылаются на решение Межамериканского суда по правам человека по делу Веласкес Родригес против Гондураса (решение от 29 июля 1988 г.), в котором этот суд подтвердил, что «феномен исчезновения представляет собой сложную форму нарушения прав человека, которая должна пониматься и противостоит интегральным образом». Этот комплекс прав включает в себя право на жизнь и право не подвергаться жестокому обращению.

тщательно рассмотрены дела о пропавших без вести и исчезнувших лицах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь (Замечание общего порядка № 6 (16-я сессия, 1982 г.) [37 GAOR ООН, Дополнение, № 40 (A/37/40), Приложение V], параграф 1). Позже Комитет по правам человека подтвердил это заявление в своем решении по делу Мохика против Доминиканской Республики от 15 июля 1994 года в отношении необходимости защиты исчезнувших лиц от опасности жестокого обращения.

70. Ссылаясь на вышеупомянутое решение Межамериканского суда по делу Веласкес Родригес против Гондураса, Amnesty International сообщила, что практика исчезновений часто связана с тайной казнью без суда и сокрытием тела и что длительная изоляция и лишение человека к себе жестокое и бесчеловечное обращение, наносящее ущерб психологической и моральной неприкосновенности потерпевшего. В решении по делу Мохика против Доминиканской Республики от 15 июля 1994 г. Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций счел, что исчезновение человека неразрывно связано с обращением, равносильным нарушению статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая отражает Статья 3 Европейской конвенции о правах человека.

71. Кроме того, Amnesty International обратила внимание на тот факт, что «исчезновения» серьезно нарушают права семьи «исчезнувшего», которая почти наверняка страдает от сильных душевных страданий, часто длящихся годами, пока существует неуверенность в судьбе их близкого человека. Amnesty International отмечает, что Комитет ООН по правам человека применил этот подход в решении по делу Кинтерос против Уругвая от 21 июля 1983 года.

ПРОИЗВОДСТВО В КОМИССИИ

72. Г-жа Кочери Курт обратилась в Комиссию 11 мая 1994 г. от имени своего сына, а также от своего собственного имени. Она жаловалась, что ее сын Узеир был взят под стражу и впоследствии исчез. Она утверждала, что ее сын является жертвой нарушения государством-ответчиком статей 2, 3, 5, 14 и 18 Конвенции и что она сама является жертвой нарушения статей 3 и 13 Конвенции.

73. Комиссия объявила жалобу (№ 24276/94) приемлемой 22 мая 1995 г. В своем отчете от 5 декабря 1996 г. (статья 31) она выразила мнение о том, что имело место нарушение статьи 5 в отношении исчезновения сын заявителя (единогласно); что имело место нарушение статьи 3 в отношении заявителя (девятнадцатью голосами против пяти); что нет необходимости отдельно рассматривать жалобы, поданные в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в отношении сына заявительницы (единогласно); что имело место нарушение статьи 13 Конвенции (единогласно) в отношении заявителя; что было

отсутствие нарушения статей 14 и 18 Конвенции (единогласно); и что Турция не выполнила свои обязательства по статье 25 § 1 Конвенции (единогласно). Полный текст мнения Комиссии и особого мнения, содержащегося в отчете, воспроизводится в качестве приложения к настоящему постановлению.¹.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУДЕ

74. Заявительница просила Суд в своем меморандуме установить, что государство-ответчик нарушило статьи 2, 3, 5, 14 и 18 Конвенции в связи с «исчезновением» ее сына и что она сама является жертвой нарушения Статьи 3 и 13. Она также утверждала, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства в соответствии со статьей 25 § 1. Она просила Суд присудить ей и ее сыну справедливую компенсацию в соответствии со статьей 50.

75. Правительство, со своей стороны, просило Суд в своем меморандуме признать дело неприемлемым ввиду отсутствия обоснованной жалобы. В качестве альтернативы они утверждали, что жалобы заявителя не были обоснованы. В ходе слушания Правительство также утверждало, что дело должно быть признано неприемлемым в связи с неисчерпанием заявителем внутренних средств правовой защиты.

КАК ЗАКОН

Я. ПЕРВОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

76. Правительство утверждало, что заявитель никогда не собирался подавать жалобу на власти в органы Конвенции. Ее единственной заботой в обращении к прокурору и другим должностным лицам (см. пункты 39–43 выше) было выяснить судьбу ее сына и исключить возможность того, что он может находиться под стражей после военной операции в ее деревне. Ее поиски информации о местонахождении ее сына впоследствии были использованы Диярбакырской ассоциацией прав человека, представители которой сфабриковали обвинения против государства и манипулировали заявительницей, заставив ее обвинить власти в исчезновении ее сына. Они настаивали на том, что заявитель был на

1. Примечание Регистратора. По практическим соображениям это приложение будет опубликовано только вместе с печатной версией решения (в Reports of Judgements and Decisions 1998), но копию отчета Комиссии можно получить в реестре.

два раза по своей собственной воле обращалась к нотариусу в Бисмиле, чтобы опровергнуть утверждения, содержащиеся в заявлении (см. пункт 34 выше), которое было подано в Комиссию по инициативе ассоциации.

77. Комиссия установила, что устные заявления заявительницы перед делегатами подтвердили ее намерение возбудить дело против властей и что не было оснований предполагать, что ее жалоба в Комиссию, независимо от участия Диярбакырской ассоциации прав человека в ее подготовке (см. пункты 17 и 50 выше), не отражало ее убеждение в том, что государство несет ответственность за исчезновение ее сына.

78. Суд отмечает, что заявительница подтвердила свое намерение принять участие в рассмотрении дела и назначила для этой цели своих законных представителей (см. пункт 2 выше). Более того, она присутствовала на слушаниях в Суде по ее делу. Принимая во внимание также ее четкое заявление перед делегатами (см. пункт 77 выше), следует сделать вывод, что, когда она впервые обратилась в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию 23 декабря 1993 г., она добивалась возмещения ущерба в связи с отказом властей признать, что ее сын был взят под стражу и с тех пор его никто не видел. В этом заключалась суть ее жалобы на власти, и она неизменно отстаивала эту жалобу во всех своих контактах с национальными властями (см. пункт 37 выше) и на протяжении всего разбирательства в органах Конвенции. Следовательно, ее заявление должно считаться действительным и подано ею добровольно в порядке осуществления ее права на подачу индивидуальной жалобы.

Таким образом, возражение правительства отклоняется.

II. ВТОРОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

79. Хотя Правительство не упомянуло об этом в своем меморандуме, оно утверждало на слушании, как и на стадии приемлемости разбирательства в Комиссии, что заявитель не исчерпал доступные и эффективные средства правовой защиты в соответствии с национальным законодательством. В связи с этим ее дело должно быть объявлено неприемлемым с учетом требований статьи 26 Конвенции.

80. Правительство утверждало, что заявитель никогда не возбуждала судебное разбирательство, чтобы оспорить выводы властей, во-первых, что ее сын не содержался под стражей в деревне и, во-вторых, что он не находился под стражей. Сама заявительница признала, что ни на каком этапе на нее не оказывалось давления с целью отговорить ее от ссылки на юрисдикцию национальных судов. Турецкий закон гарантирует ей целый ряд средств правовой защиты, если она считает, что государство причастно к исчезновению ее сына. Они подчеркнули в этом отношении, что она могла подать в суд на органы власти в административном порядке,

ссылаясь на принцип строгой ответственности в отношении действий органов государственной власти (см. пункты 56–58 выше). Более того, уголовное право должно было помочь ей, если она считала, что ее сын был незаконно лишен свободы или был убит или подвергся жестокому обращению от рук властей, как утверждалось (см. пункт 59 выше). Поскольку заявительница никогда не прибегала ни к одному из этих средств правовой защиты, следует считать, что она нарушила статью 26 Конвенции.

81. Суд отмечает, что возражение властей Российской Федерации было выдвинуто не в их меморандуме, а только на слушании и, следовательно, за пределами срока, установленного Правилom 48 § 1 Регламента Суда А, который предусматривает:

«Сторона, желающая выдвинуть предварительное возражение, должна подать заявление с изложением возражения и его оснований не позднее момента, когда эта Сторона информирует Председателя о своем намерении не представлять меморандум, или, в качестве альтернативы, не позднее истечения срока, установленный в правиле 37 § 1 для подачи его первого меморандума».

82. Таким образом, возражение должно быть отклонено (см. решение по делу Олссон против Швеции (№ 1) от 24 марта 1988 г., Серия А, № 130, стр. 28, § 56).

83. Более того, Суд отмечает в этом отношении, что г-жа Курт сделала все, что от нее можно было ожидать, чтобы добиться возмещения ущерба по жалобе. Она дважды обращалась к прокурору Бисмила; во-первых, 30 ноября 1993 г. и, во-вторых, 15 декабря 1993 г. Она также подала жалобу в суд государственной безопасности в Диярбакыре 14 декабря 1993 г. (см. пункты 39–43 выше). Ни на каком этапе власти не брали у нее показаний, хотя она настаивала на том, что ее сын был взят под стражу после столкновения между солдатами и РПК в ее деревне. Ее ходатайство от 15 декабря было еще более убедительным, поскольку она заявила, что беспокоится за его жизнь. Как командование окружной жандармерии, так и капитан Кураль из провинциального командования в тот самый день, когда заявительница подала свое первое ходатайство, сообщил, что предполагалось, что Узеир Курт был похищен РПК. Однако никаких оснований для поддержки этой поспешно выдвинутой гипотезы не было приведено, и прокурор не исследовал ее по существу. Нежелание заявительницы принять официальное объяснение подтверждается тем фактом, что она настаивала на своем запросе о предоставлении информации о местонахождении ее сына, еще дважды обращаясь к властям, утверждая, что он был взят под стражу. Однако этому утверждению никогда не уделялось серьезного внимания, вместо этого власти предпочли провести необоснованное расследование о том, что он был похищен РПК.

По мнению Суда, этих причин самих по себе было бы достаточно для того, чтобы он пришел к выводу в свете устоявшейся прецедентной практики (см., среди прочего, решение по делу Акдивар и другие против Турции от 16 сентября 1996 г., Reports Судебных решений и решений 1996-IV, стр. 1210–11, §§ 65–69), что существовали особые обстоятельства, освобождавшие заявителя от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты, и отклонить возражение властей Российской Федерации на этот счет.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ СЫНА ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

84. Заявительница просила Суд установить на основании фактов, установленных Комиссией, что исчезновение ее сына влечет за собой ответственность государства-ответчика в соответствии со статьями 2, 3 и 5 Конвенции и что каждая из этих статей была нарушена. Она призвала Суд в соответствии с подходом, принятым Межамериканским судом по правам человека в соответствии с Американской конвенцией о правах человека и Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (см. пункты 63–71 выше) к феномену исчезновений, не ограничивать рассмотрение бедственного положения ее сына вопросами, поднятыми в соответствии со статьей 5 Конвенции, а также принять во внимание вопросы, поднятые в соответствии со статьями 2 и 3.

85. Правительство утверждало, что установление фактов Комиссией и ее оценка доказательств были серьезными недостатками и не могли служить основанием для вывода о нарушении какой-либо из статей, на которые ссылался заявитель.

86. Комиссия, со своей стороны, пришла к выводу, что государство-ответчик совершило особо серьезное и вопиющее нарушение статьи 5 Конвенции в целом и по этой причине не сочло необходимым отдельно рассматривать жалобы заявителя по статьям 2 и 3.

A. Установление фактов

1. Доводы выступающих перед судом

(a) Комиссия

87. В Суде представитель Комиссии подчеркнул, что выводы Комиссии о фактах были сделаны на основе расследования, проведенного ее представителями скрупулезно справедливым и беспристрастным образом и без использования каких-либо выводов внутреннего расследования.

Комиссия полностью осознавала несоответствия и противоречия в различных письменных и устных заявлениях заявителя о ходе событий в селе во время военной операции. Тем не менее, она оказалась заслуживающей доверия и убедительной в основных аспектах своего рассказа. Перед делегатами она никогда не колебалась во время перекрестного допроса, в том числе присутствовавших государственных адвокатов, в своем утверждении, что она видела своего сына возле дома Хасана Кылыча утром 25 ноября 1993 года в окружении солдат и деревенской охраны.

88. Делегат настаивал на том, что Комиссия должным образом рассмотрела каждое несоответствие, выявленное властями Российской Федерации в версии событий, представленной заявителем. В частности, было тщательно рассмотрено кажущееся противоречивым заявление Хасана Кылыча, данное жандармам (см. пункт 31 выше). Следует признать, что показания Хасана Кылыча вызывают сомнения в точности воспоминаний заявителя о событиях утром 25 ноября 1993 г. Однако, в отличие от заявителя, Хасан Кылыч никогда не давал показаний делегатам, и к его показаниям следует относиться с осторожностью, поскольку они были задержаны теми же сотрудниками, которые, как утверждала заявительница, задержали ее сына.

89. По вышеуказанным причинам Делегат обратился к Суду с просьбой признать факты, установленные Комиссией (см. пункт 53 выше).

(б) Кандидат

90. Заявитель согласился с фактами, установленными Комиссией, и ее выводами по ним. Утром 25 ноября 1993 года она видела своего сына в окружении солдат и деревенской стражи у дома Хасана Кылыча. Она подтвердила в суде, что с тех пор не видела его.

(с) Правительство

91. Правительство решительно оспаривало фактические выводы Комиссии и, в частности, чрезмерное значение, которое она придавала показаниям заявителя. Они настаивали на том, что заявительница на самом деле была единственным человеком, утверждавшим, что видела своего сына возле дома Хасана Кылыча в окружении солдат и деревенской охраны. Тем не менее, Комиссия сочла ее показания заслуживающими доверия, несмотря на то, что она отказалась от ранее выдвинутых обвинений в адрес сил безопасности (см. пункты 30 и 32 выше), а многие детали ее показаний были крайне неправдоподобны и расходились с другими доказательствами (см. пункт 30 и 31 выше).

92. Правительство раскритиковало Комиссию за то, что она не придала должного значения показаниям других жителей деревни, которые подтвердили, что Узеир Курт не содержался в деревне, как утверждалось (см. пункт 38 выше). Хасан Кылыч, в частности, четко подтвердил на допросе, что Узеир Курт вышел из дома в сопровождении заявителя и что в соответствующее время возле дома не было сил безопасности (см. § 38 настоящего Постановления). Они выразили сожаление по поводу нежелания Комиссии серьезно рассмотреть официальное мнение о том, что к его исчезновению могла быть причастна РПК. Эта точка зрения нашла поддержку в показаниях жителей села, допрошенных властями (см. пункт 38 выше).

93. По вышеуказанным причинам Правительство утверждало, что не было доказано вне разумных сомнений, что заявительница видела своего сына при предполагаемых обстоятельствах, и поэтому его исчезновение не может влечь за собой их ответственность.

2. оценка Суда

94. Прежде всего Суд отмечает, что из пунктов 159–79 его доклада по статье 31 ясно следует, что Комиссия тщательно рассмотрела расхождения в версии заявителя, а также каждый из контраргументов Правительства.

95. Как независимый орган по установлению фактов, столкнувшись с утверждением, которое основывается главным образом на показаниях свидетеля только заявительницы, Комиссия уделила особое внимание достоверности сведений заявительницы и точности ее воспоминаний о событиях утром 25 ноября 1993 г. Следует отметить, что на слушаниях в Анкаре делегаты и адвокаты, выступавшие от имени правительства, подробно допрашивали ее по ее поводу. Несмотря на заметные несоответствия между заявлением, которое она дала Ассоциации прав человека Диярбакыра (см. пункт 50 выше), и ее устным заявлением перед делегатами, заявительница была непреклонна во всех своих контактах с властями в своем утверждении, что она видела своего сына. в окружении солдат и деревенской стражи в с.

96. По мнению Суда, Комиссия должным образом оценила все представленные ей доказательства, взвесив на весах элементы, подтверждающие версию заявителя, и те, которые ставят под сомнение либо ее достоверность, либо правдоподобность. Несмотря на то, что Хасан Кылыч не ответил на вызов Комиссии предстать перед делегатами, его заявление, которое Правительство считает центральным в своем деле, было тщательно изучено Комиссией наряду с показаниями заявителя (см. пункт 50 выше). Примечательно, что показания г-на Кылыча были признаны ошибочными в существенном отношении, и его неявка означала, что, в отличие от показаний заявителя, ни достоверность его показаний как свидетеля, ни

ценность заявления, взятого у него жандармами, можно было проверить в состязательной обстановке.

97. Кроме того, Комиссия должным образом рассмотрела утверждение Правительства о том, что сын заявительницы был либо похищен РПК, либо покинул деревню, чтобы объединиться с террористами. Тем не менее, поддержка этого была в основном основана на показаниях, полученных от жителей деревни теми самими жандармами, которые были предметом жалобы заявителя (см. пункт 38 выше), и эти показания могли должным образом рассматриваться Комиссией как имеющие минимальную доказательную силу.

98. Суд напоминает, что в соответствии с установившейся прецедентной практикой установление и проверка фактов в первую очередь относятся к компетенции Комиссии (пункт 1 статьи 28 и статья 31 Конвенции). Хотя Суд не связан фактами, установленными Комиссией, и по-прежнему свободен в своей собственной оценке в свете всех имеющихся у него материалов, только в исключительных обстоятельствах он будет осуществлять свои полномочия в этой области (см., например, , решение по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» от 27 сентября 1995 г., Серия А, № 324, стр. 50, § 169, решение по делу Аксой против Турции от 18 декабря 1996 г., Reports 1996-VI, стр. 2272, § 38, решение по делу Айдын против Турции от 25 сентября 1997 г., Reports 1997-VI, стр. 1888–89, § 70, и решение по делу Ментеш и другие против Турции от 28 ноября 1997 г., Reports 1997-VIII, стр. 2709–10, § 66).

99. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, основанные на его собственной тщательной оценке доказательств и протоколов слушаний делегатов, Суд не убежден, что существуют какие-либо исключительные обстоятельства, которые заставили бы его прийти к выводу, отличному от вывода, сделанного делегатами. комиссия. Он считает, что имеются достаточные фактические и доказательные основания, на основании которых Комиссия могла бы сделать правильный вывод, вне всяких разумных сомнений, что заявительница действительно видела своего сына возле дома Хасана Кылыча утром 25 ноября 1993 г., что он был окружен солдатами и деревенскими жителями. охранников в то время и что с тех пор его никто не видел.

Б. Статья 2

100. Заявительница утверждала, что ряд факторов способствовал выводу о том, что ее сын стал жертвой нарушения статьи 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

(а) в защиту любого лица от незаконного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвратить побег лица, задержанного на законных основаниях;

(с) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

101. Заявительница подчеркнула, что исчезновение ее сына произошло в условиях, угрожающих жизни. Она просила Суд основываться на подходе, принятом Межамериканским судом по правам человека в деле Веласкес Родригес против Гондураса (решение от 29 июля 1988 г.), а также Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций в деле Мохики против Гондураса. Доминиканская Республика (решение от 15 июля 1994 г.) к вопросу о насильственных исчезновениях (см. пункты 65–71 выше) и установить, что государство-ответчик нарушило свое позитивное обязательство по статье 2 по защите жизни ее сына. Она утверждала, что такой вывод может быть сделан, даже если не существует конкретных доказательств того, что ее сын погиб от рук властей государства-ответчика.

102. В альтернативном представлении заявитель утверждал, что существует хорошо задокументированная высокая частота пыток, необъяснимых смертей в заключении, а также «исчезновений» на юго-востоке Турции, что не только дает основания для разумного предположения, что власти нарушения их обязательства по защите жизни ее сына в соответствии со статьей 2, но, кроме того, представляли собой убедительные доказательства практики «исчезновений», которые могли служить основанием для заявления о том, что ее сын также стал жертвой нарушения этого положения с отягчающими обстоятельствами. Она утверждала, что Межамериканский суд в вышеупомянутом деле *Velásquez Rodríguez v.*

103. Заявитель далее утверждала, что собственная прецедентная практика Суда дает две дополнительные причины, по которым государство-ответчик должно быть признано нарушившим статью 2, учитывая, что было установлено, что ее сын был взят под стражу 25 ноября 1993 г. и с тех пор не видели. Во-первых, власти не смогли предоставить убедительного объяснения того, как он встретил свою предполагаемую смерть. Принимая во внимание подход, использованный Судом в решении по делу «Томази против Франции» от 27 августа 1992 г. (Серия А, № 241-А) к доказательствам жестокого обращения с задержанным, она полагала, что следует применить аналогичный подход с учетом всех изменений. *mutandis* в связи с предполагаемой смертью ее сына. Во-вторых, со ссылкой на ранее упомянутое решение по делу *McCann and Others* заявительница утверждала, что неспособность властей провести оперативное, тщательное и эффективное расследование исчезновения ее сына должно само по себе рассматриваться как отдельное нарушение статьи 2.

104. Правительство ответило, что заявительница не обосновала свои утверждения о задержании ее сына силами безопасности. Соответственно, никаких вопросов по статье 2 возникнуть не может.

105. Комиссия пришла к выводу, что в отсутствие каких-либо доказательств судьбы Узеира Курта после его задержания в деревне было бы неуместно делать вывод о том, что он стал жертвой нарушения статьи 2. Она не согласилась с довод заявительницы о том, что убийство ее сына можно сделать из описанной ею опасной для жизни ситуации или предполагаемой административной практики исчезновений в государстве-ответчике. По мнению Комиссии, утверждение заявительницы о явном насильственном исчезновении ее сына и предполагаемом непринятии властями разумных мер для его защиты от опасностей для его жизни, связанных с его исчезновением, подлежало рассмотрению в соответствии со статьей 5 Уголовного кодекса. Соглашение.

106. Европейский суд прежде всего напоминает, что он принял установленные Комиссией фактические данные о задержании сына заявительницы солдатами и деревенской стражей 25 ноября 1993 г. Прошло почти четыре с половиной года без информации о его последующем местонахождении или судьба. При таких обстоятельствах опасения заявительницы относительно того, что ее сын мог погибнуть в неуставленном заключении от рук похитителей, нельзя назвать беспочвенными. Она утверждала, что есть веские основания для вывода о том, что он действительно был убит.

107. Однако, как и Комиссия, Суд должен тщательно изучить, существуют ли на самом деле конкретные доказательства, которые позволили бы ему сделать вывод о том, что ее сын был, вне всяких разумных сомнений, убит властями либо во время содержания под стражей в деревне, либо на каком-то последующем этапе. . Он также отмечает в этом отношении, что в тех случаях, когда было установлено, что Договаривающееся государство имело позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 провести эффективное расследование обстоятельств предполагаемого незаконного убийства, совершенного агентами этого государства, существовали конкретные доказательства стрельба со смертельным исходом, которая могла привести к выполнению этого обязательства (см. вышеупомянутое решение *McCann and Others* и решение по делу *Каау v. Turkey* от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I).

108. В этой связи следует отметить, что дело заявительницы полностью основано на презумпциях, выведенных из обстоятельств первоначального задержания ее сына, подкрепленных более общим анализом предполагаемой официально допускаемой практики исчезновений и связанных с ними жестокого обращения и внесудебных казней задержанных. в государстве-ответчике. Суд, со своей стороны, считает, что этих доводов самих по себе недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие более убедительных указаний на то, что ее сын действительно встретил свою смерть в заключении.

Что касается довода заявительницы о том, что существует практика нарушения, в частности, статьи 2, Суд считает, что представленные ею доказательства не подтверждают это утверждение.

109. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд считает, что утверждения заявительницы о том, что государство-ответчик не выполнило своего обязательства по защите жизни ее сына при описанных обстоятельствах, подлежат оценке с точки зрения статьи 5 Конвенции.

С. Статья 3 в отношении заявителясын

110. Заявительница, в соответствии со своим подходом к своим жалобам по статье 2, далее утверждала, что ее сын стал жертвой нарушения государством-ответчиком статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

111. Ссылаясь, *mutatis mutandis*, на доводы, использованные в поддержку ее жалоб по статье 2, она пришла к выводу, что государство-ответчик нарушило статью 3 Конвенции, поскольку сам факт исчезновения ее сына в контексте, лишенном самых элементарных юридических гарантий должны были подвергнуть его острой психологической пытке. Кроме того, она своими глазами видела, как его избивали сотрудники сил безопасности, и это само по себе дает основание предположить, что он подвергался физическим пыткам после задержания возле дома Хасана Кылыча.

112. Заявитель утверждал, что эту презумпцию следует считать еще более убедительной ввиду наличия большого числа случаев применения пыток к задержанным в государстве-ответчике. Ссылаясь на материалы, на которые она ссылалась для обоснования своих утверждений о практике нарушения статьи 2, она просила суд также сделать вывод о том, что ее сын стал жертвой нарушения статьи 3 при отягчающих обстоятельствах в связи с существованием официально терпимая практика исчезновений и жестокого обращения с задержанными.

113. Далее она утверждала, что неспособность властей предоставить какое-либо удовлетворительное объяснение исчезновения ее сына также представляет собой нарушение статьи 3, и что отсутствие какого-либо надлежащего расследования ее жалобы привело к отдельному нарушению этого положения.

114. Правительство отвергло фактическую основу утверждения заявителя в соответствии со статьей 3.

115. Перед Судом Делегат объяснил, что в отсутствие каких-либо доказательств жестокого обращения, которому Узеир Курт мог быть подвергнут во время содержания под стражей, Комиссия не сочла уместным констатировать нарушение этого положения. Он счел, что жалобы заявительницы в отношении ее сына по статье 3, как и жалобы по статье 2, подлежат рассмотрению в контексте статьи 5 Конвенции.

116. Суд соглашается с выводом, сделанным Комиссией по этой жалобе, и ссылается в этом отношении на причины, по которым он отклонил доводы заявителя о нарушении статьи 2 (см. пункты 107–109 выше). В частности, заявительница не представила никаких конкретных доказательств того, что ее сын действительно стал жертвой жестокого обращения в нарушение статьи 3; она также не представила каких-либо доказательств, подтверждающих ее утверждение о том, что в государстве-ответчике существует официально допустимая практика исчезновений и связанного с ними жестокого обращения с задержанными.

117. Суд, как и Комиссия, считает, что жалобы заявительницы на предполагаемые нарушения государством-ответчиком статьи 3 в отношении ее сына должны, как и жалобы по статье 2, рассматриваться с точки зрения статьи 5 Конвенции.

D. Статья 5

118. Заявительница утверждала, что исчезновение ее сына привело к многочисленным нарушениям статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после вынесения обвинительного приговора компетентным судом;

(б) законный арест или задержание лица за правонарушение-выполнение законного распоряжения суда или в целях обеспечения выполнения любого обязательства, установленного законом;

(с) законный арест или задержание лица, произведенное с целью доставить его к компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда разумно считать необходимым предотвратить его совершение преступления или побег после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1(с) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. в ожидании суда. Освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или содержания под стражей в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

119. Заявительница полагала, что сам факт непризнания содержания ее сына под стражей означает, что он был лишен свободы произвольным образом, противоречащим статье 5 § 1. Она утверждала, что официальное сокрытие его местонахождения и судьбы поставило ее сына за действия закона, и, соответственно, ему было отказано в защите гарантий, содержащихся в пунктах 2, 3, 4 и 5 статьи 5.

120. Правительство повторило, что утверждение заявительницы об исчезновении ее сына не было подтверждено доказательствами и было опровергнуто расследованием, проведенным властями. Таким образом, по их представлению, не могло возникнуть никаких вопросов по статье 5.

121. Комиссия сочла, что исчезновение сына заявительницы поднимает фундаментальные и серьезные вопросы в соответствии со статьей 5, принимая во внимание важность гарантий, предлагаемых положением для обеспечения соблюдения прав, гарантированных статьями 2 и 3. Установив, что Узеир Курт находился в содержание под стражей силами безопасности 25 ноября 1993 г., Комиссия рассудила, что этот вывод дает основания для презумпции ответственности со стороны властей за его последующую судьбу. Власти могли опровергнуть это предположение, только предложив заслуживающее доверия и обоснованное объяснение его исчезновения и продемонстрировав, что они предприняли эффективные шаги для расследования его исчезновения и выяснения его судьбы. Комиссия пришла к выводу, что ни одно из этих требований не было удовлетворено в данных обстоятельствах.

122. Прежде всего Суд отмечает фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения права человека в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию со стороны властей. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в своем прецедентном праве, что любое лишение свободы должно быть осуществлено не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального права, но и в равной степени должно соответствовать самой цели лишения свободы. Статья 5, а именно защита личности от произвола (см., среди многих других источников, решение по делу Чахал против Соединенного Королевства от 15 ноября 1996 г., Reports 1996-V, стр. 1864, § 118).

123. Следует также подчеркнуть, что авторы Конвенции усилили защиту личности от произвольного лишения свободы, гарантируя совокупность основных прав, которые призваны свести к минимуму риск произвола, допуская, чтобы акт лишения свободы был оправдан. независимому судебному надзору и привлечению властей к ответственности за это деяние. Требования статьи 5 §§ 3 и 4 с их акцентом на безотлагательности и судебном контроле приобретают особое значение в этом контексте. Незамедлительное судебное вмешательство может привести к выявлению и предотвращению угрожающих жизни мер или серьезного жестокого обращения, которые нарушают основные гарантии, содержащиеся в статьях 2 и 3 Конвенции (см., с соответствующими изменениями, вышеупомянутое решение по делу Аксой, стр. 2282), § 76).

124. Суд подчеркивает в этом отношении, что непризнанное задержание лица является полным отрицанием этих гарантий и грубейшим нарушением статьи 5. Приняв контроль над этим лицом, власти обязаны отчитаться о его или ее местонахождении. По этой причине статью 5 следует рассматривать как требующую от властей принятия эффективных мер для защиты от риска исчезновения и проведения безотлагательного эффективного расследования спорного заявления о том, что лицо было взято под стражу и с тех пор его никто не видел.

125. На этом фоне Суд напоминает, что он согласился с выводом Комиссии о том, что Узеир Курт был задержан солдатами и деревенской стражей утром 25 ноября 1993 года. Его задержание в то время не было зарегистрировано, и нет никаких официальных следов его последующего местонахождения. или судьба. Этот факт сам по себе следует считать самым серьезным недостатком, поскольку он позволяет виновным в акте лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответственности за судьбу задержанного. По мнению Суда, отсутствие данных, фиксирующих такие вопросы, как дата, время и место задержания,

126. Кроме того, Суд считает, что, принимая во внимание заявление заявительницы о том, что ее сын был задержан в деревне, прокурор должен был обратить внимание на необходимость более тщательного расследования ее жалобы. Он имел полномочия в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом делать

так (см. пункт 58 выше). Однако он не просил ее объяснить, почему она так непреклонна в своем убеждении, что он находится под стражей. Ее не просили предоставить письменное заявление и не давали устных интервью. Если бы он это сделал, он, возможно, смог бы предъявить показаниям ее очевидца военнослужащим, участвовавшим в операции в деревне. Однако эта линия расследования так и не была открыта, и ни у кого из солдат или деревенских охранников, присутствовавших в деревне в то время, не было взято никаких показаний. Прокурор не пожелал пойти дальше утверждения жандармерии о том, что протоколы содержания под стражей показывают, что Узеира Курта не держали в деревне и не содержали под стражей.

127. Суд, как и Комиссия, также считает, что предполагаемая причастность РПК к исчезновению сына заявительницы не имела твердой и убедительной доказательной базы. В качестве объяснения оно было выдвинуто жандармерией слишком поспешно в отсутствие каких-либо подтверждающих доказательств; также нельзя утверждать, что показания, данные тремя жителями деревни жандармам 28 февраля 1994 г., подтверждали то, что на самом деле было простым предположением о судьбе Узеира Курта. Вопросы, заданные сельским жителям, можно охарактеризовать только как сформулированные таким образом, чтобы получить ответы, которые могли бы повысить достоверность теории похищения людей РПК (см. пункт 18 выше). Кроме того, как отмечалось ранее (см. пункт 97 выше),

128. Принимая во внимание эти соображения, Суд заключает, что власти не представили каких-либо заслуживающих доверия и обоснованных объяснений местонахождения и судьбы сына заявительницы после того, как он находился под стражей и что она опасалась за его жизнь. Они не выполнили своих обязательств по привлечению его к ответственности, и следует признать, что он содержался под стражей без признания при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5.

129. Соответственно, Суд, как и Комиссия, считает, что имело место особо серьезное нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного статьей 5, что вызывает серьезную озабоченность по поводу благополучия Узеира Курта.

ИВ. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ САМОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

130. Заявительница утверждала, что она сама стала жертвой бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в связи с исчезновением ее сына от рук властей. Она просила Суд установить, как и Комиссия, что перенесенные ею страдания влекут за собой ответственность государства-ответчика в соответствии со статьей 3 Конвенции.

В поддержку своего аргумента она сослалась на решение Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека по делу Кинтерос против Уругвая от 21 июля 1983 г. (см. пункт 71 выше), подтверждающее, что ближайшие родственники исчезнувших лиц также должны считаться жертвами. среди прочего жестокого обращения.

131. Комиссия сочла, что неуверенность, сомнения и опасения, которые испытывала заявительница в течение продолжительного и продолжительного периода времени, вызвали у нее серьезные психические расстройства и страдания. Принимая во внимание свой вывод о том, что ответственность за исчезновение ее сына возложена на власти, Комиссия установила, что она подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 3.

132. Правительство оспорило заключение Комиссии, повторив, что не было никаких достоверных доказательств, подтверждающих мнение заявительницы о том, что ее сын был задержан силами безопасности. Сочувствуя бедственному положению заявительницы, они утверждали, что не было причинно-следственной связи между предполагаемым нарушением прав ее сына в соответствии с Конвенцией и ее страданиями и страданиями.

133. Суд отмечает, что жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, если оно должно подпадать под действие статьи 3 (см., среди прочего, решение по делу Cruz Varas and Others v. Sweden от 20 марта 1991 г., Series A no. 201, стр. 31, § 83). В этой связи он напоминает, что заявительница обратилась к прокурору через несколько дней после исчезновения ее сына, твердо полагая, что он был взят под стражу. Она собственными глазами была свидетелем его задержания в деревне, и его неявка с тех пор, как он последний раз видел ее, заставила ее опасаться за его безопасность, о чем свидетельствуют ее ходатайства от 30 ноября и 15 декабря 1993 г. (см. пункты 39 и 42 выше). Однако прокурор не отнесся серьезно к ее жалобе, вместо этого предпочитая принимать за чистую монету предположение жандармов о том, что ее сын был похищен РПК. В результате она осталась с болью от осознания того, что ее сын задержан и что о его дальнейшей судьбе нет никакой официальной информации. Это мучение длилось долгое время.

134. Принимая во внимание описанные выше обстоятельства, а также тот факт, что заявительница была матерью жертвы нарушения прав человека и сама стала жертвой самоуспокоенности властей перед лицом ее страданий и страданий, Суд находит, что Государство-ответчик нарушает статью 3 в отношении заявителя.

В. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

135. Заявительница, с которой согласилась Комиссия, утверждала, что непроведение властями эффективного расследования исчезновения ее сына привело к нарушению статьи 13 Конвенции. Правительство оспорило это утверждение.

Статья 13 предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

136. Заявитель поддержал доводы Комиссии, установившей нарушение статьи 13 (см. пункт 138 ниже). Далее она утверждала, что неадекватность официального расследования ее жалобы не только привела к тому, что ей было отказано в доступе к эффективным средствам правовой защиты в связи с исчезновением ее сына, но и что это бездействие со стороны властей свидетельствует об отсутствии эффективных система средств правовой защиты в государстве-ответчике в случае серьезных нарушений конвенционных прав.

137. Правительство подтвердило, что, когда заявительница впервые обратилась к прокурору, она никогда не намекала, что опасается незаконного задержания ее сына или того, что его жизнь находится в опасности. Она просто хотела удостовериться, взят ли он под стражу. Жалоб на органы власти не поступало. Они подтвердили, что в сложившихся обстоятельствах были предприняты все усилия, чтобы попытаться отследить его местонахождение. Были проведены расследования (см. пункты 39–43 выше) и жандармы взяли показания у жителей села 23 февраля и 7 декабря 1994 г., которые подтвердили официальную точку зрения о том, что сын заявительницы либо был похищен РПК, либо покинул село, чтобы присоединиться к террористы (см. пункт 38 выше). Таким образом, не было никаких оснований для установления нарушения статьи 13.

138. Комиссия установила, что заявительница довела существо своей жалобы до сведения прокурора. Однако ее ходатайства не получили серьезного рассмотрения. Прокурор не был готов дополнительно расследовать отчет жандармов о том, что ее сын не был задержан; заявлений солдат или охранников, участвовавших в боевых действиях в селе, не брали, а также о неадекватности и неэффективности

расследования были дополнительно осложнены тем фактом, что задача сбора свидетельских показаний у жителей деревни была возложена на жандармов, против которых была подана жалоба (см. пункт 38 выше). По этим причинам Комиссия установила, что власти нарушили статью 13.

139. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в любой форме, в которой они могут быть обеспечены в национальном правопорядке. Таким образом, действие статьи 13 требует предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа соответствующей жалобы в соответствии с Конвенцией и предоставления надлежащей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они выполняют свои обязательства по Конвенции. в соответствии с этим положением.

Объем обязательства по статье 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону, в частности, в том смысле, что его осуществление не должно быть неоправданно затруднено действиями или бездействием властей государства-ответчика (см. вышеупомянутое решение по делу Аксой, стр. 2286, § 95, вышеупомянутое решение по делу Айдын, стр. 1895–96, § 103, и вышеупомянутое решение по делу Кая, стр. 325–326, § 89).

140. В настоящем деле заявительница жалуется на то, что ей было отказано в "эффективном" средстве правовой защиты, которое пролило бы свет на местонахождение ее сына. В своих ходатайствах прокурору она утверждала, что он был взят под стражу и что она беспокоится за его жизнь, поскольку его не видели с 25 ноября 1993 года. спорным утверждением о том, что последний исчез от рук властей, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 влечет за собой, в дополнение к выплате компенсации, где это необходимо, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных и в том числе эффективный доступ родственникам к следственному процессу (см., *mutatis mutandis*, вышеупомянутые решения Аксой, Айдына и Кая на с. 2287, § 98, стр. 1895–96, § 103 и стр. 329–31, §§ 106 и 107 соответственно). С этой точки зрения требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающегося государства по статье 5 провести эффективное расследование исчезновения лица, которое, как доказано, находится под их контролем и за благополучие которого они соответственно несут ответственность.

141. По причинам, изложенным ранее (см. параграфы 124 и 126 выше), можно считать, что г-жа Курт имела обоснованную жалобу на то, что ее сын был взят под стражу. Эта жалоба никогда не была предметом какого-либо серьезного расследования, поскольку ее отвергли в пользу необоснованного и поспешно полученного объяснения того, что он был похищен РПК.

государственный обвинитель был обязан в соответствии с законодательством Турции провести расследование утверждений о незаконном лишении свободы (см. пункт 58 выше). Поверхностный подход, который он проявил к утверждениям заявительницы о том, что ее сына никто не видел с момента заключения под стражу, нельзя назвать совместимым с этой обязанностью и был равносителен подрыву эффективности любых других средств правовой защиты, которые могли существовать (см. пункты 56 настоящего Постановления). –61 выше).

142. Соответственно, учитывая, в частности, отсутствие какого-либо значимого расследования, Суд считает, что заявительнице было отказано в эффективном средстве правовой защиты в отношении ее жалобы на исчезновение ее сына при обстоятельствах, связанных с ответственностью властей.

Таким образом, имело место нарушение статьи 13.

ВИ. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

143. Заявитель утверждал, что насильственные исчезновения в первую очередь касались лиц курдского происхождения. Необходимо было сделать вывод, что ее сын стал жертвой нарушения статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, такому как пол, раса, цвет кожи, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, принадлежность к национальному меньшинству, , собственности, рождения или иного статуса».

144. Заявительница утверждала, что ее утверждение подтверждается выводами, содержащимися в отчетах, опубликованных между 1991 и 1995 годами Рабочей группой Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям.

145. Правительство отвергло это утверждение, заявив, что оно не имеет под собой никаких фактических оснований. Они далее подчеркнули, что Конституция Турции гарантирует осуществление прав каждому, находящемуся под ее юрисдикцией, независимо от, в частности, этнического происхождения, расы или религии.

146. Комиссия пришла к выводу, что заявитель не представил каких-либо доказательств, подтверждающих нарушение данного раздела жалобы.

147. Суд соглашается с выводом Комиссии. Доказательства, представленные заявительницей в поддержку своей жалобы, не подтверждают ее утверждения о том, что ее сын стал преднамеренной целью насильственного исчезновения по причине его этнического происхождения. Соответственно, нарушения Конвенции по этому пункту жалобы не было.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

148. Заявитель жаловался, что государство-ответчик сознательно допустило развитие практики «исчезновений» и не предприняло никаких мер для ее прекращения. Она утверждала, что позиция властей в этом отношении привела к нарушению статьи 18 Конвенции, которая предусматривает:

«Ограничения, разрешенные Конвенцией в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для каких-либо иных целей, кроме тех, для которых они были предписаны».

149. В поддержку своего утверждения заявительница утверждала, что власти действовали вне рамок внутреннего законодательства, регулирующего такие вопросы, как содержание под стражей. Она проиллюстрировала свою точку зрения, сославшись на тот факт, что протоколы содержания под стражей не ведутся и что их отсутствие позволяет властям обходить внутренние правила задержания, поскольку они могут просто отрицать факт задержания конкретного лица.

150. Правительство оспорило это утверждение. В Суде они утверждали, что даже при действии чрезвычайных полномочий в чрезвычайно сложной ситуации с безопасностью на юго-востоке Турции военные власти все равно должны были действовать в соответствии с законом.

151. Комиссия пришла к выводу, что заявительница не обосновала свое утверждение.

152. Суд согласен с выводом Комиссии о том, что заявительница не обосновала свою жалобу. Кроме того, он отмечает, что эта жалоба сродни ее утверждению о практике нарушения Конвенции, которое подлежит отдельному рассмотрению (см. пункт 169 ниже).

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 25 КОНВЕНЦИИ

153. Заявительница просила Суд принять вывод Комиссии о том, что власти оказали на нее давление с целью отозвать свое заявление в Комиссию при обстоятельствах, приводящих к нарушению пункта 1 статьи 25 Конвенции, который предусматривает:

«Комиссия может получать петиции на имя Генерального секретаря Совета Европы от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в [Конвенция, при условии, что Высокая Договаривающаяся Сторона, против которой подана жалоба, заявила, что она признает компетенцию Комиссии принимать такие петиции. Те из Высоких Договаривающихся Сторон, которые сделали такое заявление, обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

154. Заявитель также утверждала, что меры, предпринятые властями для возбуждения уголовного дела против ее адвоката в связи с заявлениями, которые он сделал в отношении ее жалобы в Комиссию, были несовместимы с их обязательствами по статье 25 § 1 (см. пункт 25 выше). Она еще раз сослалась на вывод Комиссии о нарушении этого положения и причины, которые она привела в его поддержку.

155. Правительство категорически отрицало эти утверждения. Они утверждали, что заявитель постоянно использовался представителями Диярбакырской ассоциации прав человека в пропагандистских целях, чтобы опорочить имидж турецких сил безопасности. Единственной заботой г-жи Курт было выяснить местонахождение ее сына, но она невольно оказалась вовлеченной в кампанию по дезинформации, которую эта ассоциация ведет против турецкого государства.

156. Правительство настаивало на том, что власти никогда не оказывали давления на заявительницу, чтобы она отозвала свое заявление в органы Конвенции. Она дважды добровольно обращалась к нотариусу в Бисмиле, чтобы опровергнуть ложные сведения, допущенные Диярбакырской ассоциацией прав человека в ее заявлении. Они утверждали, что заявитель сообщила делегатам на слушаниях в Анкаре, что на нее не оказывалось никакого давления с целью отозвать свое заявление, и это подтвердил г-н Арап Курт, который сопровождал ее в нотариальную контору. Это было ее собственное решение отказаться от своей жалобы, поданной в Комиссию.

157. Правительство также утверждало, что Комиссия ошиблась в своем заключении о нарушении пункта 1 статьи 25 в связи с тем, что власти намеревались возбудить уголовное дело против адвоката заявителя, г-на Шакара. Они подчеркнули, что г-н Шакар находится под следствием за помощь и подстрекательство к РПК. Любое уголовное преследование, которое могло бы быть возбуждено, не было бы связано с его участием в настоящем деле; скорее ему было бы предъявлено обвинение в членстве в террористической организации в соответствии со статьей 168 § 2 Уголовного кодекса Турции.

158. Комиссия пришла к выводу, что власти не принуждали заявителя напрямую. Тем не менее, особенно принимая во внимание обстоятельства двух визитов заявительницы к нотариусу в Бисмиле, они оказали неправомерное косвенное давление в отношении ее жалобы в органы Конвенции. Кроме того, угроза уголовного преследования адвоката заявителя также привела к серьезному вмешательству в осуществление права на индивидуальную жалобу.

По этим причинам Комиссия сочла, что государство-ответчик нарушило свои обязательства по статье 25 § 1.

159. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 25, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли свободно общаться с Комиссией, не подвергаясь давлению со стороны властей в какой-либо форме с целью отзыва жалобы. или изменить свои жалобы (см. вышеупомянутое решение Акдивар и другие, стр. 1219, § 105; и вышеупомянутое решение Аксоя, стр. 2288, § 105).

160. Выражение «любая форма давления» должно охватывать не только прямое принуждение и вопиющие акты запугивания заявителей или потенциальных заявителей, их семей или законных представителей, но и другие неправомерные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить или воспрепятствовать их осуществлению Конвенционное средство правовой защиты.

Суд отмечает, что вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем или потенциальным заявителем равносильными неприемлемой практике с точки зрения статьи 25 Конвенции, должен определяться в свете конкретных обстоятельств дела. В этом отношении необходимо учитывать уязвимость заявителя и его или ее подверженность влиянию со стороны властей. В этой связи Суд, принимая во внимание уязвимое положение сельских жителей-заявителей и тот факт, что на юго-востоке Турции жалобы на действия властей вполне могут вызвать законные опасения репрессалий, установил, что допрос заявителей по поводу их жалоб в Комиссию является формой незаконного и неприемлемого давления, которое препятствует осуществлению права на индивидуальную жалобу,

161. Возвращаясь к фактам настоящего дела, следует отметить, что заявительница несколько раз допрашивалась властями, начиная с 19 ноября 1994 г., после того как Комиссия направила ее жалобу правительству (см. пункты 20–24 выше).). 9 декабря 1994 г. и после беседы с прокурором Бисмила (см. пункт 20 выше) она обратилась с заявлениями в Диярбакырскую правозащитную ассоциацию и в Министерство иностранных дел, отклонив все петиции, поданные от ее имени.

162. Суд не убежден в том, что эти два заявления, сделанные вскоре после передачи жалобы властям Российской Федерации и после допроса прокурора, можно считать составленными по инициативе заявителя. Он также не удовлетворен тем, что два визита заявительницы к нотариусу в Бисмиле 6 января и 10 августа 1995 г. были организованы по ее собственной инициативе. Как отметила Комиссия (см. пункт 158 выше), заявительница была доставлена в нотариальную контору военнослужащим в форме, и от нее не требовалось платить нотариусу за составление заявлений, от которых она намеревалась отказаться.

ее заявление в Комиссию. Нельзя сказать, что аргументы, представленные Правительством в этом отношении, доказывают отсутствие официального участия в организации этих визитов.

163. По вышеуказанным причинам Суд считает, что заявительница подвергалась косвенному и неправомерному давлению с целью сделать заявления в отношении ее жалобы в Комиссию, что помешало свободному осуществлению ее права на подачу индивидуальной жалобы, гарантированного статьей 25.

164. Что касается угрозы возбуждения уголовного дела против адвоката заявителя, Суд не согласен с утверждением властей Российской Федерации о том, что оно не имело отношения к жалобе, поданной в Комиссию (см. пункт 157 выше). Угроза судебного преследования касалась утверждений, которые г-н Шакар выдвинул против государства в заявлении, которое он подал от имени г-жи Курт. Хотя верно то, что заявление жалобы, которое было подано в Комиссию, содержало утверждения, которые были признаны ложными и которые сама г-жа Курт отвергла, необходимо подчеркнуть, что задача изучения существа конкретных жалоб ложится на Комиссию в контексте своих полномочий по установлению фактов и с учетом процедур, которые Конвенция предлагает государству-ответчику для оспаривания существа выдвинутых против него обвинений.

165. По вышеуказанным причинам меры, предпринятые властями для возбуждения уголовного дела в отношении адвоката заявителя, даже несмотря на то, что они не были приняты, должны рассматриваться как вмешательство в осуществление права заявителя на подачу индивидуальной жалобы и несовместимые с обязательством государства-ответчика по статье 25.

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА НАСИЛИЯ СВЯЗИ КОНВЕНЦИИ

166. Заявитель просил Суд установить, что на юго-востоке Турции существовала практика «исчезновений», которая приводила к серьезным нарушениям статей 2, 3 и 5 Конвенции. В этой связи она обратила внимание на отчеты, подготовленные Рабочей группой Организации Объединенных Наций по насильственным и недобровольным исчезновениям, в частности на ее доклад за 1994 год, в котором указывалось, что наибольшее число предполагаемых случаев исчезновения, зарегистрированных в 1994 году, произошло в Турции.

Заявитель также утверждал, что на юго-востоке Турции официально допускалась практика неэффективных средств правовой защиты, что является грубым нарушением статьи 13 Конвенции. В поддержку своего утверждения она сослалась на наличие убедительных свидетельств политики отрицания случаев внесудебных казней, пыток задержанных и исчезновений, а также на систематический отказ или бездействие прокуратуры.

органы для проведения расследований по жалобам потерпевших. Принимая во внимание центральную роль прокурора в функционировании системы средств правовой защиты в целом, можно сделать только вывод о том, что средства правовой защиты были совершенно неэффективны на юго-востоке Турции и что власти попустительствовали этому результату.

167. Правительство отклонило требование заявителя.

168. Комиссия, со своей стороны, сочла, что нет необходимости решать, существовала ли в государстве-ответчике практика непризнанного содержания под стражей, как утверждает заявитель. Что касается предполагаемой практики неэффективных средств правовой защиты, Делегат сообщил Суду, что Комиссия также сочла ненужным рассмотрение этой жалобы при принятии решения о приемлемости.

169. Суд напоминает, что он отклонил жалобы заявительницы на наличие практики нарушения статей 2 и 3 Конвенции, считая, что она не обосновала свои утверждения (см. пункты 108 и 116 выше). Он также не убежден в том, что представленные ею доказательства подтверждают ее утверждения о существовании практики нарушения либо статьи 5, либо статьи 13 Конвенции.

ИКС. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 50 КОНВЕНЦИИ

170. Заявитель потребовал возмещения морального вреда, а также возмещения судебных издержек и расходов в соответствии со статьей 50 Конвенции, которая предусматривает:

«Если Суд установит, что решение или мера, предпринятая юридическим или любым другим органом Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречит обязательствам, вытекающим из... Конвенции, и если внутреннее право указанной Сторона допускает лишь частичное возмещение последствий этого решения или меры, решение Суда должно, в случае необходимости, предоставить справедливое удовлетворение потерпевшей стороне».

А. Моральный вред

171. Заявительница утверждала, что и она, и ее сын стали жертвами конкретных нарушений Конвенции, а также практики таких нарушений. Она просила Суд присудить общую сумму в 70 000 фунтов стерлингов (GBP), которую она обосновала следующим образом: 30 000 фунтов стерлингов для ее сына в связи с его исчезновением и отсутствием гарантий и эффективных механизмов расследования в этом отношении; 10 000 фунтов стерлингов для себя в качестве компенсации за страдания, которым она подверглась в связи с исчезновением ее сына и отказом в эффективном средстве правовой защиты в связи с его исчезновением; и 30 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации им обоим в связи с тем, что они стали жертвами практики «исчезновений» на юго-востоке Турции.

172. Представитель Комиссии не представил возражений по поводу суммы, требуемой заявителем.

173. Правительство утверждало, что заявительница не обосновала свои утверждения ни об исчезновении ее сына, ни о существовании практики нарушения Конвенции на юго-востоке Турции. Кроме того, не было никакой причинно-следственной связи между исчезновением ее сына и ее собственными предполагаемыми страданиями. По этим причинам они просили Суд отклонить ее непомерные и необоснованные требования о компенсации.

174. Суд напоминает, что он установил, что государство-ответчик нарушило статью 5 в отношении сына заявительницы. Он считает, что присуждение компенсации должно быть вынесено в его пользу с учетом серьезности рассматриваемого нарушения. Он присуждает сумму в 15 000 фунтов стерлингов, которая должна быть выплачена заявительнице и удерживаться ею для ее сына и его наследников.

175. Кроме того, учитывая, что власти не помогли заявительнице в ее поисках правды о местонахождении ее сына, что привело к установлению нарушения статей 3 и 13 в ее отношении, Суд считает, что присуждение компенсации является также оправданным в ее пользу. Соответственно, он присуждает заявителю сумму в размере 10 000 фунтов стерлингов.

В. Затраты и расходы

176. Заявитель потребовала общую сумму в размере 25 453,44 фунта стерлингов в отношении расходов и издержек, понесенных при отстаивании своих прав и прав ее сына в органах Конвенции. Она представила Суду следующие данные: профессиональные гонорары ее адвокатов в Соединенном Королевстве (19 285,42 фунтов стерлингов); профессиональные гонорары, заявленные ее турецкими адвокатами (825 фунтов стерлингов); административные расходы (70,22 фунтов стерлингов); административные расходы, понесенные в Турции (1050 фунтов стерлингов); исследовательская и административная поддержка, предоставленная Проектом по правам человека в Курдистане («KHRP») (2 400 фунтов стерлингов); почтовые, телекоммуникационные и другие расходы, понесенные KHRP (635 фунтов стерлингов); расходы на устный и письменный перевод KHRP (690 фунтов стерлингов); расходы переводчиков на слушания делегатов (275,60 фунтов стерлингов); расходы на ее турецкого адвоката для участия в слушаниях делегатов (122,20 фунта стерлингов);

177. Представитель Комиссии не дал никаких комментариев по иску.

178. Правительство решительно оспорило их обязательство по возмещению ущерба заявителю. Во-первых, Диярбакырская ассоциация прав человека сыграла важную роль в обходе национальной правовой системы и в отказе национальным судам в возможности вынести решение по жалобе заявителя. Во-вторых, участие нетурецких адвокатов в разбирательстве по Конвенции не было оправдано и только послужило увеличению судебных издержек.

179. Суд отмечает, что вопросы, поднятые в этом деле, особенно сложны и потребовали от законных представителей заявителя значительного исследования и анализа. Принимая во внимание тот факт, что заявитель может назначить законного представителя по своему выбору, обращение г-жи Курт к британским юристам, специализирующимся на международной защите прав человека, не может быть подвергнуто критике. С учетом спецификаций, представленных заявителем, и принимая решение на справедливой основе, он присуждает сумму в размере 15 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации издержек и издержек, заявленных адвокатами в Соединенном Королевстве и ее турецкими юристами, вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может быть за вычетом сумм, полученных в виде юридической помощи от Совета Европы, которые еще не были учтены.

180. С другой стороны, Суд не убежден по существу иска (3 725 фунтов стерлингов), поданного от имени КПЧ, поскольку ему не были предоставлены подробности о точной степени участия этой организации в подготовке дела. Соответственно, эта часть претензии отклоняется.

С. Процент по умолчанию

181. Согласно имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка, применяемая в Соединенном Королевстве на дату принятия настоящего решения, составляет 8% годовых.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. *Увольняет* единогласно предварительное возражение властей Российской Федерации относительно обоснованности жалобы заявителя;
2. *Увольняет* единогласно предварительное возражение правительства относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты;
3. *Держит* единогласно признал, что нет необходимости принимать решение по жалобе заявителя в соответствии со статьей 2 Конвенции;
4. *Держит* единогласно признал, что нет необходимости принимать решение по жалобе заявительницы в отношении ее сына в соответствии со статьей 3 Конвенции;
5. *Держит* шестью голосами против трех, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции;
6. *Держит* шестью голосами против трех, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении самой заявительницы;
7. *Держит* семью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;

8. *Держит* единогласно признали отсутствие нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3 и 5 Конвенции;
9. *Держит* единогласно признали отсутствие нарушения статьи 18 Конвенции;
10. *Держит* шестью голосами против трех, что государство-ответчик не выполнило своих обязательств по статье 25 § 1 Конвенции;
11. *Держит* восемью голосами против одного
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в отношении ее сына в течение трех месяцев 15 000 (пятнадцать тысяч) фунтов стерлингов, подлежащих конвертации в турецкие лиры по курсу, действующему на дату выплаты, и эта сумма должна быть удержана заявительницей в отношении ее сына и его наследников. ;
 - (б) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев в качестве компенсации морального вреда 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов, подлежащих конвертации в турецкие лиры по курсу, действовавшему на дату выплаты;
 - (с) что эти суммы начисляются проценты по ставке 8% годовых с истечения вышеуказанных трех месяцев до момента их погашения;
12. *Держит* восемью голосами против одного
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев в отношении расходов и издержек, 15 000 (пятнадцать тысяч) фунтов стерлингов вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может взиматься, за вычетом 27 763 (двадцати семи тысяч семисот шестидесяти трех) французских франков, подлежащих конвертации в фунты стерлингов по курсу применимо на дату вынесения решения;
 - (б) что простые проценты по ставке 8% годовых подлежат уплате на эту сумму с истечения вышеупомянутых трех месяцев до погашения;
13. *Уволяет* единогласно оставшуюся часть требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичных слушаниях во Дворце прав человека в Страсбурге 25 мая 1998 года.

Подписано: Рудольф Бернхардт
Президент

Подписано: Герберт ПЕТЦОЛЬД
Регистратор

В соответствии со статьей 51 § 2 Конвенции и правилом 53 § 2 Регламента суда А к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (a) частично особое мнение г-на Матчера;
- (b) особое мнение г-на Гельджюкю;
- (c) особое мнение г-на Петтити.

Инициализирован: РБ

Инициализирован: НР

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

(Перевод)

Хотя я осознаю трудности, с которыми Комиссия сталкивается в делах такого типа, я считаю, что в данном случае способ, которым она установила факты, которые были приняты Судом, был настолько поверхностным и недостаточным, что анализ этих фактов настолько явно неудовлетворителен, что, на мой взгляд, ни один из них не дает достаточно веских оснований для установления нарушения. Кроме того, тщательное изучение резюме выводов Комиссии (см. пункты 45–53 постановления) подтверждает эту точку зрения, и мне нет необходимости вдаваться в подробности.

Ни один из многочисленных свидетелей, заслушанных местными властями или делегатами Комиссии, не смог сказать, что солдаты увезли сына заявительницы; сам факт того, что заявитель «искренне и честно полагал» (см. § 53 настоящего Постановления) в то, что дело обстояло именно так, не является доказательством, тем более что большинство свидетелей утверждали обратное или заявляли, что они не имели личного прямого знания о том, что в эта связь, является решающим вопросом в случае.

В конечном счете, здесь, как и в деле *Menteş and Others v. Turkey* (постановление от 28 ноября 1997 г., *Reports of Judgements and Decisions 1997-VIII*), заявительница с большим отрывом не смогла доказать истинность своих утверждений вне всяких разумных сомнений.

По отдельному вопросу я голосовал за установление нарушения статьи 13, поскольку в таком серьезном деле, как это, власти государства-ответчика не провели подлинного и тщательного расследования.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЬДЖЮКЛЮ

(Перевод)

Я полностью согласен с особым мнением судьи Матчера по делу Курт против Турции, за исключением последнего абзаца, касающегося статьи 13.

Что касается этой статьи, я голосовал за то, чтобы не установить нарушения, поскольку заявленные факты не были доказаны вне всякого разумного сомнения, и, кроме того, поскольку жалобы заявителя по статье 13 заключались в том, что не было проведено удовлетворительного и эффективного расследования утверждения о исчезновении ее сына, отдельного вопроса по этой статье не возникало. В этой связи я ссылаюсь на дополнительные подробности в своем особом мнении по делу Кая против Турции (постановление от 19 февраля 1998 г., Отчеты о судебных решениях и решениях 1998-I).

(Перевод)

Я голосовал с меньшинством по постановляющей части, касающейся статей 5 и 13, и с большинством по постановляющей части, касающейся статей 2, 3, 14 и 18. Что касается г-жи Курт лично, я голосовал с меньшинством по постановляющей части, касающейся к статьям 3 и 25.

Я не нашел нарушения в настоящем деле (статья 5), главным образом потому, что не согласился с доводами большинства.

Большинство рассматривало дело так, как если бы это был международный уголовный суд, рассматривавший лицо, подозреваемое в совершении тяжкого преступления (преступления), с использованием стандарта личного осуждения (временного осуждения), применяемого во французских и бельгийских уголовных судах. Но этот тип хрестоматийного примера касается суда над человеком, показания которого сопоставляются с показаниями всех свидетелей.

Дело Курта касается предполагаемого исчезновения. Согласно обычному уголовному праву, исчезновения могут быть связаны со случаями побега, незаконного лишения свободы или похищения.

В соответствии с международным публичным правом может существовать политика систематических политических исчезновений, как это произошло в Бразилии, Чили, Аргентине и т. д.

В таких случаях, особенно если они были проверены Европейским комитетом по предотвращению пыток, одно или несколько государств-членов Совета Европы должны подать жалобу против соответствующего государства. Было бы трусостью избегать этой проблемы, предоставляя Суду возможность принимать решения на основании заявления отдельного лица. Заявление государства повлечет за собой международное региональное расследование, позволяющее объективно и тщательно оценить ситуацию. Я мог бы установить, что имело место нарушение, если бы дело касалось инструкций, данных армией, жандармерией или полицией, как в отношении операций по обеспечению безопасности, так и в отношении проверки их выполнения и последующих действий. Это соответствовало бы линии властей, установленной в деле Ирландия против Великобритании.

В системе Европейской конвенции о правах человека тот факт, что государства несут ответственность за бездействие властей, из которых они состоят, означает, что Суд должен определить ответственные органы и полицейские или армейские подразделения. В любом случае дело Курта было недостаточным, поскольку не проводилось расследование, аналогичное тому, которое проводилось по делам, рассматриваемым Международным уголовным судом в Гааге, а один из основных свидетелей и командиры подразделений жандармерии не давали показаний на суде. Сама Комиссия признала, что у нее есть сомнения. Большинство членов Суда размышляет на основе гипотезы о продолжении содержания под стражей.

опираясь на свое личное убеждение. Это, на мой взгляд, является «ересью» в международной сфере, поскольку решение по настоящему делу могло быть принято на основании прецедентной практики в соответствии со статьей 5, требующей объективных доказательств и документов, которые убеждают судей вне всяких разумных сомнений; но в настоящем деле отсутствовали как документы, так и свидетели.

Кроме того, дело Курта происходило в контексте, отличном от того, который привел к решениям Межамериканского суда.